

МАКСИМ РАЗУМКОВ

Пират

ОКЕАНСКИЙ СТРАННИК

Максим Разумков

Пират. Океанский странник

«Издательские решения»

Разумков М. В.

Пират. Океанский странник / М. В. Разумков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907505-5

Эпическая сага о современных пиратах и одновременно захватывающий роман о любви. Во время съемок фильма о Второй мировой на Филиппинах группа статистов (россиян и тагалцев) угоняют военный катер. Совершив налет на торговое судно, они становятся обладателями энной суммы, позволившей зафрахтовать грузовой «трамп». В его трюме они прячут катер, и продолжают налеты в разных частях Света. Наконец, зажатые со всех сторон, они решают провернуть свою главную последнюю операцию и разбежаться.

ISBN 978-5-44-907505-5

© Разумков М. В.
© Издательские решения

Содержание

Максим Разумков	6
Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пират Океанский странник

Максим Викторович Разумков

© Максим Викторович Разумков, 2018

ISBN 978-5-4490-7505-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Максим Разумков

«Пират»

* * *

Многие желали ему гибели в этот день. Люди разных национальностей, вероисповеданий и рас. Почти без преувеличения можно было сказать, что против него ополчился весь мир. Но он продолжал бороться за жизнь...

Пролог

Он и она – мальчик и девочка лет пятнадцати – стояли на берегу озера. За их спинами высились стены старинного монастыря, казавшиеся в эту ненастную осень особенно величественными и неприступными. Был поздний вечер, все вокруг давно погрузилось во мрак и лишь маленькие островки света едва виднелись сквозь пелену начавшегося дождя. То были деревушки, разбросанные среди дремучих лесов Русского Севера.

– Опять дождь пошел, – сказал мальчик с характерным оканьем. Он был невысок ростом, а его плотную коренастую фигуру скрывала безразмерная темно-синяя ветровка, какие выдавались учащимся профтехучилищ. – Надень. – Он снял куртку и набросил ее на плечи девочке с той немного наивной нежностью, которую никогда не сможет подделать ни один профессиональный ловелас.

– Спасибо. – Лицо девочки засияло. Она гордилась своим другом. Гордилась его смелостью, силой, умением заботиться о ней.

Он тоже гордился возлюбленной. Ее хрупкая, еще по-детски нескладная фигурка, ее белокурые волосы и бездонные глаза, являлись для него тем, что он, не задумываясь, защитил бы даже ценой собственной жизни.

Девочка прильнула к нему. Несколько минут они целовались, а затем опять молча смотрели вдаль на свой «океан мечты». И каждый из них в эти секунды думал о тех временах, когда им уже не придется встречаться тайком на лесных полянах и в заброшенных сараях, скрывая свою любовь.

– Ты знаешь, – прервал молчание мальчик, – я все-таки набил морду тому козлу.

– Зачем ты это сделал?! – Она отстранилась и с тревогой посмотрела ему в глаза. – Что с ним?

Он усмехнулся:

– Да так, жить будет...

Мальчик хотел добавить еще что-то, но его прервал мощный луч света, ударивший в спину. Они обернулись. Прямо по бездорожью со стороны города к ним приближался выдавший виды милицейский «газик». Машину нещадно трясло на неровностях, местами подбрасывало и кренило то влево, то вправо. Наконец она в последний раз натужно взревела старым изношенным двигателем и остановилась. Из «газика» вышли двое мужчин. Одного из них и мальчик, и девочка знали. Это был местный участковый дядя Саша – старшина Кривошонок, за свой маленький рост, тучную комплекцию и фамилию получивший прозвище «Кривобок». Второго – молодого худощавого мужчину в штатском они видели впервые.

– Вот, значит, ты где, Перепрышкин, – пробасил Кривошонок, подойдя к мальчику и хватая его за рукав. – А мы тебя обыскались. Ну что ж, Леня, садись в машину. А ты, – он строго взглянул на девочку, – топай домой. Слышала, что вышло постановление, по которому подростков, появляющихся без сопровождения взрослых после девяти вечера, приказано забирать?..

– До завтра, – успел сказать мальчик своей возлюбленной. Участковый втолкнул его на заднее сиденье и «газик» двинулся в обратном направлении, снова трясясь и подпрыгивая на ухабах.

В этом маленьком городке все находилось рядом. И исполком, и автобусная станция, и райотдел милиции, который разместился в побеленном трехэтажном здании начала века. Леню провели в кабинет участкового на первом этаже.

– Садись на тот стул, – указал Кривошонок на стоявший в углу примитивно обставленной каморки табурет. – Итак, догадываешься, почему мы тебя взяли? То-то! Теперь с тобой

не я буду разговаривать, а товарищ Рагузин – следователь райотдела! – Старшина взглянул на своего молодого спутника, предоставляя ему инициативу.

– Меня, Леонид, зовут Игорь Петрович, – сказал тот, усевшись за стол и раскрывая папку с бумагами. – Вчера к нам поступило заявление от преподавателя хореографии в вашем городском Доме Культуры товарища Зарицкого. Он утверждает, что подвергся жестокому избиению. И, что характерно, утверждает, что избил его именно ты. Что скажешь?

Леня в негодовании привстал:

– Вот сволочь! Это же он подкатывал к моей девчонке! Я его сколько раз предупреждал. Дядя Саша, вы же знаете!..

– Значит ты не отрицаешь слова Зарицкого, – бесстрастным голосом констатировал Рагузин, записывая что-то в протокол.

– Ну, в обще-то, – заметил участковый, – пацан действительно дружит с девочкой, а этот Зарицкий, как бы сказать, немножко странный. Поселился у нас, принял группу молодых девок и показывает им всякие па. Я однажды присутствовал на их занятиях. Срам какой-то. Девки одеты черти во что, а Зарицкий им еще и ноги задирать помогает. Тьфу!

– Давайте по существу, – перебил следователь. – Я возбудил уголовное дело по 112-ой статье УК РСФСР по факту нанесения легких и средних телесных повреждений и побоев. Советую вам, Перепрышкин, рассказать все, что было на самом деле. Обстоятельно и честно...

И Леня рассказал все. И о том, как его возлюбленная, обожающая балет, вынуждена была терпеть каждодневные сальности, которые ей нашептывал хореограф. И о том, как два раза он уже говорил Зарицкому, чтобы тот оставил затею переспать с его невестой. И о том, как от бесполезных уговоров он перешел к делу: встретил хореографа после занятий и влепил ему, даже не кулаком, а открытой ладонью, две увесистые оплеухи.

Давая показания, Леня интуитивно чувствовал, что следователь абсолютно равнодушен к его судьбе. Ему все равно, какая подоплека была у этой истории. Рагузина интересовали только факты. Вернее один единственный факт – имели ли место удары по лицу потерпевшего. Этот мужчина с надменным лицом *просто выполнял свою работу*. Ни больше, ни меньше.

«Одна надежда – на Кривобка – на дядю Сашу! Он же мужик-то неплохой», – Леня вспомнил те случаи, когда участковый катал их – мальчишек – на «газике», или вставал в ворота, когда они пинали мяч на пустыре.

По окончании допроса Леню заперли в соседней комнате, а в кабинете Рагузин и Кривошенок решали его дальнейшую судьбу.

– В принципе – дело яснее ясного. Старый потаскун клеит молодую девчонку и получает по рогам.

– Согласен. Но что будем решать с Перепрышкиным?

– Если его отпустить под подписку, все, скорее всего, обернется условным приговором.

– Снова согласен. Но если его отправить до суда в череповецкий СИЗО, то ему впаяют, как минимум, пару лет. А то и три. Товарищ Горбачев не зря же говорил об усилении борьбы с хулиганством и подростковой преступностью.

– И все же жаль парня. Я на его месте также бы поступил. Так что решаем?

– А решать нечего. Завтра этапирuem в Череповец. – Дядя Саша Кривобок на мгновение задумался и добавил, – мне вся эта шпана уже осточертела. Чем меньше их тут останется – тем мне меньше работы.

* * *

Первые лучи, показавшегося над океаном солнца, осветили восточную часть одного из самых маленьких среди семи с лишним тысяч островов Филиппинского архипелага. Они выхватили из темноты покрытую бамбуковыми зарослями гору и скользнули вниз. Для

нескольких сотен человек, передвигавшихся по берегу в хаотическом беспорядке, наступал новый день.

Люди на берегу устроили настоящее вавилонское столпотворение. Подавляющее большинство их было облачено в одежды серых и песочных тонов – военные мундиры образца Второй мировой войны, и лишь десятка полтора выделялись из общей массы белыми майками и шортами. Не менее необычным казалось и соседство на довольно ограниченном участке суши современных микроавтобусов «Ниссан Серена» с застывшими у склона горы некогда грозными танками «Шерман» и М-3.

Шедевр! Очередной шедевр российской кинокомпании «Старлако» творился в эту минуту.

– Приготовились! – раздался усиленный мегафоном голос ассистента.

– Приготовились, – продублировал в микрофон рации второй режиссер.

Сам режиссер-постановщик Смирнов, словно генералиссимус на этом «театре боевых действий», вальяжно развалился в складном плетеном кресле. Его функции теперь сводились к одному – наблюдать за точностью претворения в жизнь разработанного плана. Точность же целиком зависела от подчиненной ему маленькой армии, начиная от главного оператора и кончая простым статистом.

– Камера!

Эпизод исторического боевика о последних месяцах войны Союзников с Японией был запущен в производство.

Снимать данную сцену предполагалось Смирновым с помощью нескольких аппаратов общим планом. Смысл заключался в том, что на фоне восходящего над океаном солнца происходит безжалостная рукопашная американских десантников с «джапами», коих изображали статисты тагалы. Одновременно в кадр должны были попасть несколько военных катеров. Все это, разумеется, сопровождалось мощными пиротехническими эффектами.

Со своего, стоявшего на возвышении кресла, Смирнов отчетливо видел показавшиеся на горизонте точки. Десантные катера стремительно рассекали водную гладь. На берегу же, на узкой полоске отделявшей океан от тропических зарослей, пришли в движение две сотни человеческих фигурок. Причем, как не без раздражения отметил режиссер, даже с такого значительного расстояния движения людей казались на редкость медленными. Смирнов понимал, что этим грешат все масштабные массовые сцены баталлий, но все же не удержался и сделал негромкое замечание ассистенту:

– Я не требую от вас подготовить их к чемпионату по боям без правил. Но, черт возьми, это же война, а не игра в поддавки!

Ассистент тут же прокричал в мегафон парочку крепких фраз, которые, по его мнению, должны были придать происходившему внизу действию большую динамичность. Одновременно он отметил про себя, что как следует поговорит с человеком, отвечавшим за работу со статистами. А также с филиппинцем из местной киностудии, предоставившим таких никудышных «японцев».

Между тем тройка катеров приблизилась к берегу и равномерно распределилась по всей акватории, попадавшей в кадр основной камеры. Настала пора пиротехникам продемонстрировать свое умение. Смирнов нагнулся вперед, чтобы еще лучше рассмотреть сцену. Пока, до сего момента, к пиротехническому цеху у него претензий не возникало. Он молил Бога, чтобы так продолжалось и в дальнейшем.

Каждый участвовавший в массовке статист был строго проинструктирован в каких местах заложены заряды, в какой момент они будут активированы и каково минимально безопасное расстояние от эпицентра взрывов. И хотя эти заряды являлись не более чем пиротехническими игрушками, создающими лишь обилие дыма, режиссер в отчаянии схватился за голову: после начала «массированного обстрела побережья» статисты стали двигаться еще

медленней. Они пугливо озирались по сторонам, жались и как будто напрочь забыли, для чего здесь находятся. Создавалось впечатление, что солдаты императорской армии братаются с американскими «джи-ай», а не поливают своей и чужой кровью каждую пядь земли.

– Стоп, – разочарованно сказал Смирнов. – Придется повторить эту сцену завтра на рассвете. – Он поднялся с кресла и стал разминать затекшую ногу. К нему приблизились оператор-постановщик и второй режиссер. Два этих человека и по темпераменту, и внешне значительно отличались друг от друга. Второй режиссер – высокий худощавый мужчина, с аккуратно уложенными остатками седых волос на загорелом черепе, характер имел резкий. Оператор – напротив – меланхолично взирал на все происходившее вокруг и только по-стариковски ворчал, никогда не повышая голос. Манера поведения этого толстенького благообразного человека преклонного возраста во многом была схожа с манерой поведения самого Смирнова: тот не имел привычки кричать на кого бы то ни было даже во время экстраординарных ситуаций нередко случавшихся в его работе. С оператором они были похожи и внешне. Несмотря на то, что Смирнов был значительно моложе, он также не мог похвастаться стройной фигурой и богатырским ростом.

– Ночь подготовки пропала даром. Это можно констатировать. – Смирнов достал из нагрудного кармана рубашки пачку «Мальборо» и закурил. – К сожалению, мы недостаточно хорошо вымуштровали массовку перед такой сложной сценой. На сегодня спланируем вот что... – он на мгновение задумался, – операторская группа самостоятельно отработает еще несколько натуральных пейзажей, а вы, – Смирнов повернулся ко второму режиссеру, – проследите, чтобы статисты отрепетировали сцену до автоматизма и двигались в кадре не как сонные мухи. Завтра на рассвете постараемся отснять и общий план, и сразу же крупные планы эпизода. Мы итак выбились из графика.

Выслушав некоторые пожелания от оператора относительно ракурсов и поинтересовавшись у второго режиссера, как продвигаются дела у художника-постановщика, строившего в западной части острова «концентрационный лагерь», Смирнов спустился к берегу. Его ждал быстроходный катер. После окончания работы катер всегда отвозил режиссера на соседний обжитой остров, где в комфортабельном отеле с кондиционерами тот находил прохладу и покой. Настроение Смирнова на весь день было испорчено. И виной тому не только неудавшийся эпизод. Он вообще являлся одним из самых сложных, тем более что повторить два раза подряд масштабную сцену в лучах только-только начавшего восходить солнца нельзя. Проблема была глубже. На натурные съемки по смете отводилось три месяца. Пошла уже вторая половина срока, а группа серьезно выбилась из графика. Он – Смирнов – имел репутацию крепкого ремесленника, но еще никогда в жизни не привлекался к проектам такого масштаба. До этого он делал малобюджетные телесериалы о бытие милиционеров, рэкетиров и проституток, снимавшихся в петербургских дворах-колодцах, коммуналках и банях. Предложение от главы и основателя «Старлако» миллиардера Семена Фельдштинского являлось для Смирнова тем шансом, который выпадает раз в жизни. Кинокомпания «Старлако» была создана недавно, но аналогов тем трем картинам, которые она уже успела выпустить, ни в России, ни в Европе не существовало. Это были исключительно дорогостоящие блокбастеры, сравнимые по бюджету и спецэффектам с блокбастерами голливудских монстров «Эм-Джи-Эм», «Ю-Эй», «Парамаунт», или «Королко». И вот теперь «Старлако» решил замахнуться на Оскар американской киноакадемии в самой престижной номинации – лучший фильм года! Для этого был написан сценарий о любви советского летчика и американской журналистки. Они знакомятся в Америке за день до нападения Гитлера на СССР, где герой оказывается после триумфального трансатлантического перелета. Он пытается вернуться на родину, но вынужден остаться в Штатах. Затем следует Перл-Харбор. Герой уже в Гонолулу. В составе эскадрильи американских ВВС дерется с японцами над Тихим океаном. Героиня же очутилась на захваченном императорскими войсками острове и была интернирована в лагерь на Филиппинах.

Естественно в финале храбрые десантники при поддержке авиации берут остров, где расположен концлагерь, а советский летчик спасает свою возлюбленную. Мелодраматический сюжет предполагалось поставить с размахом, подобным Камероновскому «Титанику». По понятным причинам фильм задумывался как полностью англоязычный. Даже солдат-техник на подмосковном аэродроме должен был половину монолога произносить на английском. Для завоевания Оскара Фельдштинский готов был пойти как на любые расходы, так и на любые несуразности. И режиссер Смирнов понимал: если ему оказана честь работать над подобным проектом, права на ошибку он не имеет. Ни о какой пролонгации не может быть и речи!

«Необходимо наверстать упущенное, ведь не за горами самая ответственная часть работы. „Старлако“ – та фирма, которая поможет мне встать в один ряд с Камероном, Спилбергом, Лукасом!» – с этими мыслями Смирнов примостил довольно увесистый зад на жесткое сиденье катера и взмахом руки указал находившемуся за штурвалом филиппинцу в сторону острова Лусон.

Был уже полдень, когда осатаневшие от нещадного солнца статисты, наконец, закончили репетировать неудавшийся на рассвете эпизод. Руководивший ими второй режиссер сжалился и объявил об окончании работы. Возможно, ему самому надоела жара или же он посчитал, что нужный результат достигнут и от уставших людей лучшего не добьешься. Две сотни человек, сведенные вместе замыслом режиссера Смирнова, разделились на три неравные группы. Те, кто изображал солдат 25-ой дивизии, дравшихся в феврале 1945-го против армии лучшего японского стратега Ямасита, принялись сдавать реквизиторам деревянные макеты автоматических винтовок М-1. Вторая группа, состоявшая преимущественно из тагалов – одной из основных народностей Филиппин, также рассталась до следующего раза с бутфорскими винтовками системы Арисака и организовано проследовала к выстроенному невдалеке причалу. Там их ожидал арендованный на время съемок допотопный пароходик-паром, каждый раз увозивший домой «императорское войско». Самой малочисленной была третья группа. Она же смотрелась и наиболее разношерстной на фоне исключительно мужского коллектива статистов: состояла из костюмеров, гримеров, реквизиторов, звукотехников, ассистентов по актерам. Членов съемочной группы ожидал другой арендованный пароход – более современный и комфортабельный. Рабочий день завершился.

Девяносто шесть (если быть досконально точным), уставших от многочасового стояния под палящими лучами солнца мужчин, медленно брели вдоль берега. Они направлялись к тому месту, которое меж собой окрестили «Асторией». Облюбованный для съемок остров был небольшим – всего около четырех миль в диаметре: покрытая «филиппинской махоганью», бамбуковыми и древесно-папортниковыми зарослями гора, да узкая полоска пляжей вокруг. Однако территории острова хватило не только для съемок. Прибывшая на Филиппины первой административная группа провела наиболее трудоемкий – подготовительный период. Администрацией были достигнуты соглашения об аренде необходимого реквизита с местными гражданскими и военными властями. Были бронированы гостиничные номера в прибрежном городе Аппари, заключен договор с местной киностудией, организован транспорт. Но кроме этого, для набранных по контракту статистов – молодых мужчин от двадцати до тридцати пяти лет, имевших хорошее здоровье, спортивное телосложение и свободное время, чтобы провести три месяца в западной части Тихого океана, и была выстроена «Астория». Она представляла собой временное одноэтажное строение типа казармы, включавшее в себя также и некоторые помещения для проведения досуга. Все-таки без бара, магазина, зала игровых автоматов и видео-зала многим людям не обойтись даже три месяца.

Девяносто шесть статистов завершили короткий полумильный марш-бросок. Теперь они были предоставлены сами себе. Каждый занялся своим делом. Кто-то умылся, переоделся и бросился к холодильникам с ледяным пивом, кто-то окунулся в теплые воды океана, кто-то,

запасшись все тем же пивом, лениво растянулся в тени. А некоторые, не мудрствуя лукаво, просто завалились спать. Большинство подписавших контракт статистов были петербуржцами, поскольку отбор происходил на киностудии Ленфильм. Впрочем, среди них попадались жители других городов России и даже граждане стран СНГ и «дальнего зарубежья». Естественно, желающих слетать в экзотическую страну и подзаработать нашлось много. Отбор был жестким. Некоторые претенденты приходили на просмотр целыми компаниями, но контракт подписывал кто-то один. Поэтому среди временных обитателей «Астории» оказалось мало тех, кто был знаком друг с другом раньше. Уже здесь – на острове – девяносто шесть статистов разбились на небольшие группы по интересам, чтобы коротать свободное время. Кроме сотни статистов в казарме проживали несколько филиппинцев обслуживающего персонала, комендант – один из замдиректоров картины, а также пятеро дюжих омовцев – на всякий случай. С благожелательного согласия режиссера Смирнова два раза в неделю некий предприимчивый филиппинец подгонял к острову судно с местными панпанами. Столь звучное имя для азиатских представительниц древнейшей профессии придумали еще солдаты Макарттура в сорок пятом году на улицах капитулировавшего Токио. В соответствии с обстоятельствами идентично называли проституток и здесь – в «Астории». Присутствие женского пола, без сомнения, уменьшало риск конфликтных ситуаций и, как ни странно, способствовало более нормированному потреблению крепких горячительных напитков, продававшихся в баре.

Один из тех статистов, кто в качестве времяпровождения выбрал относительную прохладу в тени кокосовой пальмы, сел на песок и прислонился спиной к стволу с жестянкой пива в руке. Это был светловолосый, крепкосложенный мужчина среднего роста лет тридцати. При знакомстве он представлялся коротким именем Эл. Ему повезло – он прошел отбор и попал в число счастливиц. Впрочем, он стремился на съемки военного боевика компании «Старлако» не только для того, чтобы скоротать время в теплых краях и заработать на массовке. У него была и другая цель, которую он вынашивал уже давно, и которая, при удачном стечении обстоятельств, именно здесь могла быть достигнута.

Судьба Эла не была простой. К своим тридцати его уже здорово потрепала жизнь и побросало по свету. Тюрьма, ужасы Чеченской войны, экзотические страны в качестве моряка торгового флота – все это было в его судьбе. Не нашлось в ней место лишь для одного – для того, что он искал всегда. Он видел мир богатства и успеха. Но видел со стороны! И в вонючем лагерном бараке, и в источающих злобу и смерть чеченских горах, и на изнурительных вахтах под палящими лучами экваториального солнца он грезил этим миром. Весь разум этого честолюбивого тщеславного человека кричал: «Не для меня! Почему *не для меня* существует мир дорогих лимузинов, роскошных особняков, блистающих красотой и бриллиантами женщин?! Почему это принадлежит кому-то другому?!» И здесь – на маленьком филиппинском острове он решил сделать последнюю попытку найти свое место под солнцем. Но для этого ему были нужны помощники.

С первого же дня Эл внимательно присматривался к тем людям, с которыми ему предстояло в течение срока действия контракта жить и работать. Как определить среди них тех, с кем можно осуществить свой план? Было понятно, что в большинстве обитатели «Астории» не слишком состоявшиеся в жизни личности, не имеющие твердого постоянного заработка. Но как не допустить ошибки?

Постепенно, по малозначительным деталям в поведении, по проскальзывающим в разговорах мыслям Эл приметил четверых статистов и постарался сойтись с ними поближе. Первым, на кого он обратил внимание, оказался Борис Иванов – двадцатипятилетний уроженец Петербурга. В спальном отсеке «Астории» их койки стояли рядом. Борис заинтересовал Эла своими откровенно криминальными манерами. Сам Эл, которому в жизни доводилось контактировать с организованным преступным миром, видел – многое из того, о чем болтает Иванов, напускная бравада. В лучшем случае сосед когда-то работал шестеркой на какого-нибудь мел-

кого мафиози, однако для предстоящего дела, по крайней мере, для его начала, он подходил. Его Эл охарактеризовал как человека готового ради денег на все.

Артем и Андрей являлись среди обитателей «Астории» редким исключением, поскольку знали друг друга давно. Эти двое приятелей даже внешне были похожи – крепкие рослые парни, которые держались независимо и уверенно. После одного случая Элу показалось, что такие ребята способны на многое. Дело было на десятый день с момента прибытия на остров. Как обычно вечер по окончании смены коротался доступными развлечениями, вроде азартных игр, и потреблением больших и малых доз алкоголя. В «Астории» уже сформировались компании, проводящие досуг вместе, и, естественно, что когда сотня молодых, разгоряченных выпивкой мужчин находится на довольно ограниченном пространстве, вполне вероятны конфликтные ситуации. Одной из компаний статистов, державшихся особняком, была группа чернокожих студентов. Африканцы, которые были призваны символизировать в фильме «единство американского народа», что-то не поделили в баре с Андреем. Эл не видел из-за чего возникла ссора. Он, как и остальные в питейном заведении, обратил внимание на происходящее только после того, как пятеро негров, смешно выговаривая по-русски матерные оскорбления, подступили к Андрею вплотную. Артема в тот момент в баре не было, и потому положение Андрея, оставшегося в одиночку против пятерых, завидным не казалось. Между тем, он спокойно и жестко смотрел на противников и не собирался идти на попятную с помощью извинений или смягчающих ситуацию слов. Заинтригованная возможностью увидеть дармовое зрелище толпа не вмешивалась и плотным кольцом обступила место предстоящей драки. Ибо ни у кого уже не осталось сомнения – драки не избежать. В ту секунду, когда бывший лидером в компании чернокожих, собрался перейти от нецензурных оскорблений к более решительным действиям, в зале появился Артем. Его никто не замечал, пока массивная табуретка с громким терском не опустилась на спину одного из негров, а их неформальный лидер не был крепко схвачен за волосы. К его горлу Артем приставил отточенный столовый нож.

– Брысь отсюда, черти!

– Что происходит?! – Расталкивая зрителей, к месту происшествия прорвался комендант в сопровождении троих омовцев. Вероятно, кто-то особенно сердобольный или законопослушный все же доложил ему об инциденте. – Что происходит?! Друзья мои, расступитесь, да расступитесь же!

Освободившийся от цепкого захвата негр вытаращил глаза и истерично затараторил, путая слова так, что вызвал улыбки даже у милиционеров:

– Белая убивать меня, белая ножик ууу-ууу!! – Он несколько раз красноречиво провел пальцем по собственному горлу.

– Это правда?

Артем стоял рядом с Андреем, хмуро глядел на коменданта и продолжал молчать.

– Ну, ладно, ребята. Не пейте много, – примирительно изрек администратор. Он был добродушным молодым парнем, постоянно находившимся в легком подпитии. Похоже, ему было не выгодно раздувать из случившегося шумиху, и он спустил дело на тормозах.

Когда на следующий день Эл подошел к Артему с вопросом: «Почему ты не сказал, как все было на самом деле, ведь с тобой могли разорвать контракт?», тот ответил:

– Ненавижу ментов. Даже киношных...

Четвертым человеком, кого Эл посвятил в свой план, был Гинтарас Лауринчукас. Двухметровый литовец, он приехал в Питер в середине девяностых искать свое счастье. Организовал экспортно-импортную фирму, но в итоге не преуспел. В августе 98-го его фирма обанкротилась. Гинтарасу пришлось распродать все свое имущество – дом в Литве, квартиру в Петербурге, внедорожник «Ленд Крузер 100» и даже золотые «Пьяже», но он все равно остался должен некой коммерческо-криминальной структуре, у которой взял рублевый кредит с возвратом в валюте. Здесь – на острове – он мог хотя бы на три месяца освободиться

от постоянного прессинга кредиторов. Вначале Эл не рассматривал Гинтараса, как кандидата в формируемую им команду. Просто они с первого дня сдружились и вдвоем образовали одну из тех компаний по интересам, которые возникали стихийно в «Астории». Элу импонировали спокойствие, рассудительность прибалта, и та ирония, с которой он наблюдал за всем происходящим вокруг. Исподволь, ненавязчиво и осторожно, Эл начал прощупывать взгляды своего друга и, наконец, решил: если начнет осуществляться его план – именно Гинтарас Лауринчук является тем человеком, кого бы он хотел видеть рядом в критическую минуту.

– Вот ты где! – с характерным акцентом произнес Гинтарас и приблизился к сидевшему на песке Элу. – Пошли, филиппы сварили свою баланду.

Эл поднялся, отряхнул шорты и направился вслед за Гинтарасом в «Асторию». В довольно просторном зале, отведенном под столовую, два повара филиппинца предлагали каждому желающему исследовать их кулинарные способности. Но удушливая жара в обеденное время не способствовала аппетиту, и потому желающих было немного. Обычно большинство статистов игнорировали обед, сберегая силы до ужина. Вот тогда количество съеденного и выпитого принимало астрономические размеры! Те же, кто все же отважился отведать баклажанного адобо, сырой рыбы – кинилао, филиппинской рисовой бумаги люмпии и жаренных с медом бананов, неспешно подходили с подносами к раздаче, лениво выбирали блюдо и столь же лениво садились за пустующие столики.

Эл окунул в тарелку обжаренный в виде лепешки банан, обложенный маленькими лимонами каламанси, дождался, когда стекнут излишки меда, и с мученической гримасой надкусил его.

– Послушай, – обратился он к литовцу, – завтра нужно переговорить с тем филиппом, которого ты подметил. Без них мы одни не справимся. Надо найти повод и пригласить его на ночь в «Асторию». Постараемся прощупать, что он за тип.

– Попробуем. – Гинтарас откупорил жестянку с пивом и сделал глоток. – Тем более, завтра Сесар должен притащить своих панпан, так что никто не помешает разговору. А повод... если он согласится пойти в «Асторию», значит, понимает, к нему есть разговор без посторонних ушей и просто так на ходу он состояться не может. Ну, а если откажется – то либо тупой, либо не тот человек, на которого следует делать ставку.

Покончив с обедом, Эл прошел к своей койке в спальном расположении. Вставив ключ в замочную скважину, он распахнул дверцу железного шкафчика, какие находились возле каждого спального места. Рядом, по соседству, громко храпел Борис Иванов. Эл расстегнул объемистую спортивную сумку и достал бритвенный станок. В этой сумке он хранил все необходимые ему вещи – одежду, предметы гигиены, деньги и старую, всю измятую черно-белую фотографию девушки, с которой когда-то давным-давно был знаком.

– Вот так! По-моему неплохо, – довольно произнес Смирнов, после того как статисты повторили неудавшийся прошлым утром эпизод. На этот раз сцена рукопашной баталии в лучах восходящего солнца удалась на славу. Все вышло скоординировано. Катера появились именно в тот момент, когда нужно, пиротехники по обыкновению сработали хорошо, а «японские и американские солдаты» дрались с такой яростью и энтузиазмом, что наблюдавший за их действиями режиссер несколько раз радостно потирал руки.

– Я всегда говорил, что из вас со временем выйдет отличный режиссер... или дрессировщик, – улыбаясь, сказал Смирнов стоявшему за спиной второму режиссеру. Тот выглядел явно польщенным и даже не обратил внимания на легкую издевку, прозвучавшую в конце фразы. – Итак, пока все идет удачно. Но не будем останавливаться на достигнутом. Сейчас же, сразу перейдем к крупным планам. У каскадеров все готово? – Казалось, постановщик заряжен энергией и пытается выжать из благоприятно складывающегося съемочного дня макси-

мум. Однако была и еще одна веская причина, по которой Смирнов так торопился отснять как можно больше материала. Вчера ночью в отель ему позвонил сам глава компании «Старлако» Семен Фельдштинский. Со свойственными ему сердитыми нотками в голосе он сообщил, что на днях в Манилу должны прилететь главные действующие персонажи ленты. А для режиссера Смирнова один из них в данный момент являлся действительно *главным персонажем*. Не только создаваемого на острове кинополотна, но и всей карьеры.

В течение следующих трех часов сцены рукопашной схватки снимались с разных ракурсов, причем акцент делался на крупные планы. Небольшая часть статистов была отобрана вторым режиссером для создания в кадре иллюзии массовости. В основном же, за эти часы, он доканывал актеров, занятых во второстепенных ролях, стараясь добиться от них той же ярости и быстроты движений, каких в начале дня удалось добиться от статистов. Некоторых из актеров, не способных красиво упасть или ловко перекинуть противника через бедро, Эл знал давно – по фильмам и телесериалам. На экране эти ребята запросто выделяли еще не такие штучки. В реальной жизни все оказалось иначе.

Когда, наконец, второму режиссеру надоело добиваться идеального результата и, по возможности, он решил задействовать дублеров, был объявлен полчасовой перерыв. Члены съемочной группы ринулись к микроавтобусу «Ниссан», в котором во время съемок им предлагали бутерброды, прохладительные напитки и кофе. В распоряжении статистов такой услуги не было. Каждый из двух сотен одетых в военную форму мужчин довольствовался тем, что он захватил с собой утром. Эл и Гинтарас съели по сэндвичу, выпили пива и неспешно подошли к компании филиппинцев, прячущихся в тени от нещадного, вертикально стоящего тропического солнца.

Первым коренастого пожилого тагала приметил Гинтарас. Как только встал вопрос о привлечении к задуманному предприятию кого-нибудь из местных, литовец внимательно начал смотреть на людей, до которых ему, как и остальным обитателям «Астории», до сего момента дела не было. Очень скоро он увидел, что один из них выгодно отличается от соплеменников. Даже по незначительным фрагментам, попадавшим на глаза, стало ясно, – этот человек пользуется огромным авторитетом и влиянием. Во всяком случае, его более молодые товарищи подобострастно слушают и беспрекословно выполняют все, что он им говорит и приказывает.

– Хай! Ну и жарыща сегодня, – обратился Эл к интересующему их человеку на английском, которому довольно сносно научился за «матросский» период жизни. – Я хотел бы кое о чем спросить. Если не возражаешь, наедине. Пройдемся?

Компания филиппинцев, а их было семеро, настороженно замолчала и с подозрением разглядывала Эла и Гинтараса. Раньше никто из русских с ними не заговаривал.

– Хорошо, – после секундного удивления ответил пожилой филиппинец и добавил своим несколько слов на тагалогском. Успокоенные аборигены занялись прежним делом – размеренной беседой в тени бамбуковой пальмы.

– Как тебя зовут? – спросил Эл, когда они отошли на несколько шагов.

– Фернандо.

– Хм, как Маркоса. А меня Эл. Это Гинтарас – он из Литвы... Послушай, Фернандо, нам с Гинтарасом нужно достать одну штуку... ну, словом, нам уже до чертей надоели все эти съемки, жара... надо как следует расслабиться. Я надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю?

– Понимаю. – Фернандо прищурил свои и без того узкие глаза и внимательно, оценивая, посмотрел на Эла. – Ты говоришь о наркотиках.

– Вот видишь, как мы хорошо поняли друг друга! А насчет всего такого не беспокойся. Мы не копы, и сумеем хорошо заплатить.

– А вы, между прочим, представляете, что делают за драгс власти в моей стране? – усмехнулся филиппинец. – И, кстати, почему вы обратились именно ко мне?

– А к кому же еще?! – усмехнулся в ответ Эл. – Коли мы сидим безвылазно на этом треклятом острове и кормим комаров! К тебе мы обратились, потому что ты среди своих главный. Это, если постараться, не трудно увидеть.

– Хм...

Фернандо повел себя так, как Эл с Гинтарасом надеялись и представляли. Филиппинец усиленно делал скептическое выражение лица, но в итоге, с большой неохотой пообещал спросить у некоего человека, который знаком с еще одним человеком, а тот, в свою очередь, может поинтересоваться у еще одного типа и тому подобное.

– Ясно, – сказал Эл. – Мы с моим другом вообще-то думаем, а не остаться ли нам после съемок здесь на Филиппинах? Заняться каким-нибудь бизнесом. А для этого неплохо бы завести *хороших* знакомых, вероятных партнеров в будущем бизнесе. Например, таких как ты...

Фернандо снова пристально взглянул собеседнику в глаза:

– Ну и каким же бизнесом вы предполагаете с другом заняться?

– Дело в том, – Эл сделал вид, что подбирает нужное определение, – дело в том, что об этом лучше поговорить в более неторопливой обстановке. Кстати, почему бы нам не выпить по стаканчику сегодня вечером? Если ты не занят, то сегодняшней ночью мы можем весело провести время. В ту лачугу, где нас поселили, вечером должны привезти кучу девчонок. Сам понимаешь – развлечение гарантировано.

– Я не большой любитель всего этого, – покачав головой, сказал филиппинец. – Однако... пропустить по стаканчику действительно неплохая мысль.

Съемочный день завершился часам к пяти вечера. Все участники творческого процесса изрядно устали, но режиссер Смирнов остался доволен. Многие удалось успеть. Теперь нужно просмотреть отснятый материал и выбрать из него наиболее удачное. Возвратившихся в «Асторию» статистов уже поджидал Сесар – маленький сухощавый филиппинец с постоянной (по поводу и без оного) улыбкой на лице. Причаливший к берегу старенький баркас, на каких перевозят продукты между островами, был буквально нашпигован представительницами прекрасного пола. Несмотря на скученность и неудобства, панпаны громко смеялись, курили и с нетерпением предвкушали ту секунду, когда им разрешат сойти на берег. Они очень ценили своих русских клиентов: выпивка, сигареты, сувениры и даже деньги доставались им, минуя жадные руки сутенера. Ко всему прочему, совокупиться с европейцем считалось престижным делом.

Основная масса желающих вкусить азиатской любви столпилась у причала и в грубовато-веселой форме требовала от Сесара быстрее продемонстрировать товар.

– Давай, не тяни, чукча! – раздавалось со всех сторон.

Филиппинец вежливо улыбался, кланялся, чуть ли не до земли, однако при этом не забывал о собственном кармане. В последний раз он не досчитался половины ожидаемых денег, так как позволил женщинам сойти с баркаса раньше времени. Подвыпившие русские, изголодавшиеся по особам противоположного пола, нетерпеливо совали в руки Сесара доллары, которые тот не успевал пересчитывать, брали понравившихся женщин и исчезали. В устроенной ими давке филиппинец, естественно, не мог контролировать обстановку. Не говоря уж о том, что многие клиенты вообще ничего не дали, предпочтя расчеты напрямую. И хотя утром на обратном пути Сесар устроил своим подопечным тщательный обыск, и какая-то часть *его денег* была возвращена, больше в такие конфузы он решил не попадать.

Наконец Сесар получил за каждую девицу по двойному тарифу, позволявшему статистам распоряжаться панпанами по своему усмотрению в плане вариации числа партнеров на отдельную особь, радостно засунул в карман гигантскую по меркам этой страны сумму и столь же

радостно удалился. Девушки шумной гурьбой сошли на берег и вместе с ухажерами разбрелись по окрестностям «Астории». Теперь веселье на острове не должно было утихнуть до утра.

Эл, Гинтарас и Фернандо едва смогли отыскать свободный столик в переполненном баре. Для беседы о серьезных вещах данное помещение вряд ли подходило. Но начинать главный разговор никто здесь и не собирался. Дежурная выпивка за знакомство, осторожное прощупывание взглядов собеседника – вот то, что входило в планы Эла и Гинтараса в первый момент. Но одно им уже стало ясно сразу: если человек готов совершить преступление, а по меркам Филиппин продажа наркотических средств считалась очень тяжким преступлением, значит этот человек законопослушными догмами не обременен точно.

С трудом, через взаимную настороженность, завязывающейся беседе мешала компания за соседним столиком. Непонятно, каким образом успешно прошедшие жесткий ленфильмовский кастинг двое азербайджанцев, которые по замыслу режиссера, возможно, будут представлять на экране *лиц латиноамериканской национальности*, с похотливым улюлюканьем щупали взятою на двоих проститутку. При этом один из них тыкал пальцем в ее ягодицы и произносил слово «эс». Оно означало, чем конкретно ему хочется заняться с девушкой. Панпана кокетливо хихикала, прося накинуть еще пяток долларов.

– Пойдем отсюда, Фернандо, – сплюнув, произнес Эл. – Лучше выпьем на воздухе. В этом прокуренном обезьяннике все равно толком поговорить не удастся.

Они проговорили до утра. Их искусила мошкара, и за это время были выпиты две бутылки виски, дюжина банок пива и выкурено неисчислимое количество сигарет. Причем основная часть спиртного пришлась на долю Эла и Гинтараса. Филиппинец оказался достаточно сдержанным не только в вопросах общения с женским полом. Но главное, в конце беседы Эл с Гинтарасом поняли, что нашли того, кто был им необходим. Во всяком случае, они так считали и очень на это надеялись.

Гинтарас и Эл возвратились в «Асторию». Фернандо, отказавшись от ночлега, к их немалому удивлению отправился к поджидавшей его все это время моторной лодке.

– Ну и как тебе он? – спросил литовец.

– Ничего. Но тип скользкий. Для человека, которого всю ночь на моторке дожидаются «родственники», не очень-то подходит роль простачка, за которого в первый момент он пытался себя выдать. Но эти азиаты все такие – с хитрецей. И не потому, что он собрался кого-то обмануть. Просто менталитет такой. А вообще, было заметно, что он ухватился за нашу идею. Он тут и сам этим наверняка промышлял, либо знает тех, кто это делает. Но масштабы-то несопоставимые!

– А-ааа!! – закричал во сне, спавший на соседней койке Иванов. Вероятно, от выпитого ему приснилась сцена из его *пацановской* жизни.

Гинтарас неодобрительно покосился:

– Знаешь, Эл, за кого я действительно волнуюсь, так это... – Он снова покосился на Иванова. – Так что, даст Бог, начнем послезавтра. Хорошо, что съемку перенесли – можно выспаться и подготовиться. Кстати, слышал почему?

– Ну? – буркнул Эл, стягивая с себя майку.

– Послезавтра прилетает *наша звезда*. А знаешь, кого пригласили к нему в пару на главную женскую роль? Алину Беляеву, танцовщицу.

Раздевавшийся с усталым безразличием Эл неожиданно напрягся и невидящим взглядом посмотрел на Гинтараса Лауринчукаса.

Выходной оказался очень кстати. Уставшие от бурной ночи обитатели «Астории» начали просыпаться далеко за полдень, неспешно умывались и направлялись в столовую, где первым делом бросались к холодильникам с пивом. Размах у «Старлако» действительно был поистине голливудский, – пиво предлагалось бесплатно в неограниченных количествах. Сегодня

вся киногруппа отдыхала, готовясь к завтрашней ответственной съемке с участием главных персонажей. Они прилетят лишь на один день, чтобы отработать в нескольких крупных планах. Далее их будут заменять дублеры, которые и раньше это делали. В последний раз во время съемок будет задействована техника, арендованная из музея Второй мировой с американской военно-морской базы «Субик» на острове Лусон, а там не за горами и последний кадр, который, по традиции, отмечается кинематографической братией грандиозной пьянкой.

Под вечер в столовую, где ужинало большинство статистов, вошел комендант. Впервые он был абсолютно трезв.

– Вот что, ребята. Я уполномочен передать вам, чтобы сегодня ночью никаких загулов не происходило. Завтра все должно быть тип-топ. И чтобы опухших перегарных рож не было. Лады?

– Смотри сам не упейся, – тихо произнес Эл. Он сидел за столом вместе с Гинтарасом и еще двумя парнями. Артем и Андрей, равно как и Иванов, всегда садились отдельно. Не общаться между собой они договорились с самого начала. Когда будет осуществлен их план, у заинтересованных лиц появится лишний повод поломать голову.

– Ты все проверил? – спросил Эл у литовца, когда они покончили с ужином и направились в спальное помещение.

– Да, – кивнул Гинтарас. – Там все как надо. И человек от Фернандо передал – они будут нас ждать.

– Что ж, отдохнем... перед дорогой.

В три часа утра они собрали свои вещи и тихо вышли из «Астории» под дружный храп и сопение нескольких десятков глоток. Элу и его помощникам предстояло преодолеть то полумильное расстояние, которое они преодолевали почти каждый день. Они направлялись туда, где проходит основная часть съемок – к «месту высадки на остров американских морских пехотинцев».

Под ногами приятно шуршал песок. Огромная луна освещала спокойный океан, делая пейзаж вокруг идиллическим. Но каждый из напарников Эла, включая его самого, испытывал огромное нервное напряжение, не позволявшее даже подумать о красоте райского островка. Каждый из них размышлял о предстоящем – о своей судьбе, о перспективах, или... о собственной участи.

Вокруг было тихо. Лишь негромкий плеск волн, да иногда крики ночных птиц в зарослях нарушали эту тишину. Но очень скоро к естественным звукам добавился другой – непонятный, монотонно повторяющийся, и по мере приближения становящийся все громче.

– Хоп – хoo! Хоп – хoo! Хоп – хoo!..

– Что это? – спросил Гинтарас у самого себя. Они уже практически дошли до нужного им места. Оставалось лишь обогнуть небольшой мысок.

– В любом случае приготовьтесь. – Эл осторожно продвинулся вперед, и ему стала видна бухта, на берегу которой находился съемочный реквизит. У склона горы стояли два танка, а возле временного причала застыли три катера. Это были два патрульных Ар-5 и Ар-9, строившихся голландцами для своих вест и ост-индских колоний, а также английский сторожевой Х. Д. М.Л.. Катера являлись небольшими – водоизмещением не более 26 тонн, и, также как и танки, были любезно предоставлены для съемок американцами. Все это хозяйство каждую ночь охранял один из омовцев, дежуривший на берегу. Именно он и оказался источником тех непонятных звуков.

– Хоп – хoo! Хоп – хoo! – Раздетый до пояса милиционер стоял возле пальмы и размеренно бил по ней ногой. Удары получались у него хорошо. Вероятно, сказывались длительные тренировки.

– Круто! – выглянув из-за спины Эла, восторженно прошептал Иванов. Он даже непроизвольно подергивал плечами в такт ударам омововца, словно тоже собирался показать умение бить людей сапогом по голове.

– Давайте... с Богом! – Не обращая внимания, сказал Эл Артему и Андрею. Те поднялись из укрытия во весь рост и, громко разговаривая, неспешно двинулись в сторону тренировавшегося милиционера.

Завидев приближавшихся к нему статистов, омововец оторвался от избиения пальмы. Поигрывая мускулами груди и желваками, он сделал несколько шагов навстречу непрошеным гостям.

– Эй, вы! Проваливайте отсюда-на! Не слышали разве, здесь нельзя по ночам шляться!

Андрей изобразил пьяное бормотание. Оба напарника Эла, словно бы не понимая предупреждения, продолжали подходить к милиционеру.

– Вам что, не ясно сказано-мля?! А, быдло синее?!

В эту секунду неподалеку послышался еще один громкий голос, тоже принадлежавший явно нетрезвому человеку. Милиционер отвлекся, стараясь разглядеть в темноте того, кто этот голос подал. Похоже, изучая единоборства, омововец упустил такой немаловажный аспект как недооценка противника. Эта ошибка оказалась для него роковой. Уверенный в своем превосходстве над «синяками», милиционер повернулся к ним в пол-оборота и потому не заметил взметнувшегося короткого отрезка трубы. Получив сокрушительный удар по голове, он не потерял сознания, а только согнулся от боли, хватаясь руками за кровоточащую рану. Артем сбил его с ног. Вместе с другом они удерживали милиционера, пока к ним бежали остальные. Гинтарас распустил заранее приготовленную нейлоновую веревку и стал связывать жертву. Они договаривались, что свяжут омововца, заткнут ему кляпом рот и оттащат подальше в джунгли.

– Подожди, я сам, – остановил литовца Эл. – Посмотри, все ли действительно готово.

– Хорошо. – Гинтарас бегом бросился к причалу. Он должен был окончательно убедиться, что катера заправлены перед завтрашней последней съемкой.

– Ну, что? – крикнул Эл, когда литовец исследовал топливные баки и наличие ящика с холостыми патронами в самом маленьком катере – голландском Ар-5.

– О.К.!

Получив утвердительный ответ, Эл повернулся к связанному омововцу, во рту которого торчал кляп. Милиционер ничего не мог сказать, но глаза его, смотревшие на Эла в упор, излучали такую ненависть, что, казалось, в эту секунду он размышляет, каким образом будет избивать этих упившихся ублюдков завтра утром. Представить же, что он сделает с тем, кто саданул его по голове железкой, было и вовсе страшно.

Эл подмигнул ему и улыбнулся. Затем взял в руки болтавшийся конец веревки. Ненависть в глазах омововца сменил ужас. Он почувствовал, как веревка петлей обернулась вокруг его шеи. Если бы он мог, то обязательно закричал. Закричал тем единственным предсмертным криком, которым кричат люди, расставаясь с жизнью. Его тело изогнулось дугой, он пытался разорвать пути, спастись...

– Ну, вот и все, – произнес Эл, когда тело омововца дернулось в последний раз, – теперь нам нет обратной дороги. – Он обвел взглядом остальных.

Артем и Андрей смотрели спокойно и жестко. Гинтарас, хотя в глазах его и мелькнула искорка сострадания, понимающе покачал головой. Иванов злорадно усмехался. Он подошел к задущенному милиционеру и пнул мертвое тело ногой.

– Теперь мы его спрячем там, где никто и никогда не найдет. На дне! И никто не узнает, что произошло на самом деле. – Эл нажал подсветку своих «Касио». – Пора!

Мельчайшие капли морской воды били в лицо. Эл показал Гинтарасу, как поддерживать постоянный курс, выбрался из рубки управления и сейчас стоял на носовой палубе: – Вау!! – и он и его люди ощущали пьянящее чувство свободы, – восторг, сродни восторгу идущего в штыковую атаку солдата. 165-ти сильный дизель развил экономичную скорость в 12 узлов. Эл мысленно поблагодарил нелюбимых им американцев, содержавших пятнадцатиметровый катер полувекового возраста в идеальном состоянии. А ведь судьба катеров этого класса была непростой. По мере продвижения японцев, все они были затоплены. Японцы их подняли и отремонтировали. Затем все повторилось, и их поднимали и ремонтировали уже американцы.

Через полчаса хода на горизонте показалась земля. Еще один маленький необитаемый остров из семи с лишним тысяч.

– Здесь, Эл? – спросил Артем. Продвигаясь к Элу, он тщательно держался руками за леера, стараясь не упасть, когда катер бросало на волне.

– Да. Будем надеяться, что филиппы не струхнули в последний момент.

Они подошли к берегу. Утро еще не наступило, а потому покрытый зарослями остров казался мрачным и негостеприимным. Для них – европейцев – ночные джунгли в любом случае представлялись опасными.

– И где он? – выбрался из рубки Гинтарас.

Словно ответом на его вопрос явился вспыхнувший несколько раз где-то на берегу фонарик. А следом послышался треск заводимого двигателя.

– Вот. – Эл всмотрелся вдаль и скоро увидел надувную резиновую моторку, в которой сидело семеро человек. Подойдя к дрейфовавшему Ар-5, все они поднялись на борт.

– Рад тебя видеть, Фернандо. – Эл искренне пожал тагалу руку.

В ответ тот только коротко улыбнулся.

– Я подготовил то, о чем ты просил. – Фернандо кивнул в сторону своих людей, занятых погрузкой на блоки спущенной моторки, ее двигателя и груза. – У нас расписание прохода канадской посудыны с копррой. А также два АКСУ и три магазина к ним.

– Этого пока хватит. Не автоматы наша главная ударная сила. – Эл понизил голос. – Но... твои люди... надежны?

– Не беспокойся. Считай, все они – мои родственники. А у нас у тагалов родственные связи очень крепкие.

– О. К.. Беремся за дело...

Чиф – старший помощник капитана сухогруза «Мэрлоу» – вышел из рубки и зло сплюнул за борт. Скоро придется пережить много неприятных минут. Предстоит пройти возле Сулы – острова, где верховодит одна из национальностей Филиппин – моро. Чиф считал, что эти мусульмане-сепаратисты не те люди, которые обременены хотя бы частью цивилизованного разума или задатками гуманизма. Сепаратисты моро из группировки «Абу Сайяф» славились своей жестокостью. Сам чиф был родом из Новой Зеландии, являлся по национальности англосаксом, по вероисповеданию протестантом, а по характеру ярким расистом. Он ненавидел цветных, а в особенности проклинал японцев-ростовщиков, разоривших ферму отца, и потому заставивших его слоняться по океанам в малоприятном обществе матросов-азиатов.

Старпом снова сплюнул за борт и взглянул на восход солнца. Он представил то унижение, которое испытает очень скоро. Подобное унижение испытывают все, кто ведет суда через узенький пролив между многочисленными островами архипелага в районе Сулу.

Легкие филиппинские джонки, снабженные, словно канатоходец, противовесами, и вместительные сампаны дрейфуют по обоим берегам полумильного пролива. Им не нужны мощные моторы, чтобы гнаться за многотонными океанскими судами. Все обстоит проще. Достаточно натянуть стальной трос между лодчонками, и нос облюбованного контейнеровоза,

балкера или танкера явится элементарным буксиром. Этот буксир и притянет их рано или поздно к бортам обреченного плавсредства, с которого посыплются сигареты, сувениры и даже доллары.

Именно необходимость платить этот необременительный, в сущности, оброк грязным отвратительным цветным, казался чифу особенно неприятным делом. Он понимал, что возразить не сможет. В случае отказа заплатить мзду, палубу судна забросают бутылками с «коктейлем Молотова», элементарно отцепятся от бортов и... Естественно, местные власти прекрасно знали о подобной разновидности рэкета. Но и у местных властей, и даже у могущественного Интерпола со специально созданным центром по борьбе с пиратством в Куала-Лумпуре есть задачи важнее, нежели пара-тройка блоков «Мальборо» или упаковка-другая жестянок с пивом. В конце концов, это же не Шан Лою – красавица-танцовщица из Кантона, известная под именем мадам Вонг, которая со своей флотилией грабила целые прибрежные города!

«Слава Богу, на этот раз встреча с бастардами произойдет тогда, когда я буду спать», – зевая, решил чиф. Его старпомовская «собачья вахта», с четырех до восьми утра, скоро должна была кончиться. С некоторым злорадством он подумал, как с туземцами будут объясняться капитан – толстый усатый португалец, или второй помощник. Только они, наряду со старпомом, были на сухогрузе «Мэрлоу» белыми, и только они втроем решали подобные форс-мажорные имущественные вопросы.

Всматриваясь во влажное тропическое утро, чиф представил вариант, при котором пираты-моро узнают о тех ста пятидесяти тысячах долларов, что хранятся в судовом сейфе. Тогда всему экипажу вряд ли поздоровится. По крайней мере, блоком сигарет отвертеться не удастся. Впрочем, к тому моменту, когда судно войдет в опасные воды, львиная доля суммы будет надежно перепрятана в потайной рундук. В сейфе останется мелочь. Так в «опасных водах» делали все.

По правому борту простирались небольшие острова и совсем крошечные островки, покрытые густыми зарослями джунглей. Сквозь гул мощных двигателей старпом не мог оценить легких манящих звуков просыпающейся природы. Но визуально окружающий мир выглядел прекрасным и безмятежным. И тем неожиданнее оказалось появление стремительного темно-серого катера.

«Что за дерьмо?!» – изумился чиф. Воды здесь были свободными от мелких корсаров, и хотя катер являлся по всем атрибутам военным, к силам береговой охраны Филиппин он тоже явно не принадлежал.

Старпом облокотился на фальшборт. Опытным взглядом он определил примерное водоизмещение. В носовой части «летучего голландца» чиф увидел крупнокалиберный стационарный пулемет, а также разглядел, что рулевое отделение усиленно противопульной броней.

Между тем катер поравнялся с сухогрузом и пошел параллельным курсом. На его палубе столпились несколько человек. Они молча смотрели в сторону «Мэрлоу» и пока их намерения оставались не ясными.

Из рубки катера вышел светловолосый мужчина в шортах. Он поднес мегафон к лицу и прокричал по-английски:

– Эй, на «Мэрлоу», стоп машины! Я хочу говорить с мастером!

«Уловив SOS, власти естественно, пообещают помощь. Но также вежливо и ненавязчиво посоветуют добавить еще парочку блоков сигарет. Никто не станет из-за такой мелочи обшаривать кучу островов, большинство из которых необитаемо или населено людьми, откровенно ненавидящими закон. Может действительно позвать жирного бастарда?» – Старпом подумал, что сейчас борется в душе с двумя противоположными желаниями – сбросить ответственность на португальца или же послать оборванцев подальше. Впрочем, *эти оборванцы* отличались от тех, с коими ему до сих пор приходилось иметь дело.

Пока он раздумывал над дилеммой, мерное бухтение дизелей было буквально разорвано неторопливым, размеренным грохотом. Именно так стреляет двадцатимиллиметровый зенитный автомат швейцарской фирмы «Эрликон», установленный на голландском патрульном катере Ар-5...

Эл коротко усмехнулся: «Даже уши заложило!» У него еще были сомнения относительно эффекта, который сможет произвести угнанная посуда, но после «предупредительных выстрелов» сомнения отпали. Только безумец решится на сопротивление.

По палубе сухогруза «Мэрлоу» в панике забегали люди. Эл снова поднял мегафон.

– Надеюсь, для капитана не понадобится дважды заводить будильник? Живо спускайте трап!

Очевидно, его приказ был воспринят должным образом. Эл перекинул за спину АКСУ и первым вцепился руками в балясину штормтрапа.

Поднимаясь на палубу сухогруза, он чувствовал нервную дрожь во всем теле. Если ребята наверху окажутся не из робкого десятка, им ничего не стоит проломить ему голову. И тогда... тогда у них в руках появится ровно та же огневая мощь, что и у нападавших – один из двух автоматов. «Эрликон» с холостыми патронами можно не брать в расчет. Но Эл решил побороть страх. Он решил с самого начала быть первым. И показать остальным, кто является хозяином предприятия.

– Что происходит?! Это попрание всех законов!!

Эл перевел дух, увидев перед собой сбившихся в кучу матросов-вьетнамцев и толстого усатого европейца с заспанным лицом. Именно он возмущенно и визгливо задавал вопросы. Эл догадался, что это капитан.

– Быстро, мастер, веди к сейфу. Если касса окажется пустой, пеняй на себя! – Теперь Эл уже окончательно успокоился. На борт поднялись Гинтарас и Фернандо со своими тагалами. Филиппинцы оттеснили матросов, а литовец с Фернандо встали по бокам Эла.

– Давай, шевелись! – Эл схватил мастера за рукав рубашки и подтолкнул. – Твой штурман или вахтенный, конечно, послал сигнал, так что в твоих интересах сделать все быстро. Иначе...

Похоже, капитан не горел желанием ставить жизнь на кон ради не принадлежащих лично ему денег. Он уже пожалел, что в соответствии с инструкцией, вахтенный матрос передал сигнал тревоги по новейшей радиостанции ГМССБ, позволявшей окончательно упразднить должность штатного радиста. Что если именно сегодня филиппинские стражи порядка вдруг добросовестно отнесутся к своим обязанностям?! Тогда первому не поздоровится ему – капитану! В неизбежной перестрелке он станет заложником. Единственным, что останавливало его от немедленной передачи судовой кассы в руки пиратов, было то, что кроме «ничейных денег», в сейфе находился чемодан с энной суммой, которую некий предприниматель попросил переправить в Сидней за умеренный процент. Этого процента оказалось достаточно, чтобы мастер не вдавался в размышления, отчего предприниматель не пожелал перевести деньги телеграфным трансфертом. Но теперь-то за них придется держать ответ. И это уже не абстрактные сто пятьдесят тысяч, которые возместят фирме страховые компании. За них отвечает он лично!

«Дева Мария! Почему я не спрятал их в другом месте заранее?!»

Эл довел португальца до капитанской каюты, расположенной как обычно по правому борту под рулевой рубкой.

– Ну?!..

Трясушейся рукой мастер набрал шестизначный буквенно-цифровой пароль на кодовом замке. «Может, впопыхах они?!..»

Но как только стальная дверца отошла в сторону, пират оттолкнул его. Видимо ему не терпелось самому оценить размеры добычи.

Глаза Эла восторженно сверкнули. Никогда в жизни ему не доводилось лицезреть такое богатство! Восхитительные, упругие пачки долларов, которых, на первый взгляд, было

не менее сотни тысяч. Он даже на мгновение оцепенел, но тотчас взял себя в руки. Каждая секунда была на вес золота. Эл стал лихорадочно выгребать наличность и бросать пачки в сумку, которую держал находившийся рядом Фернандо.

– Все! – Эл подтолкнул филиппинца к выходу, когда добыча перекочевала к ним. В последний момент его взгляд скользнул по нижнему отсеку сейфа, где лежали судовые бумаги. Там же находился маленький потрепанный чемоданчик, чуть больше «дипломата» в размерах.

– А это что?

Португалец вздрогнул.

– Это... некоторые мои личные вещи...

– О.К.. – Эл уже хотел повернуться и вслед за Фернандо броситься прочь из каюты, но капитан совершил непростительную ошибку. Он не смог скрыть облегчения, которое явственно отразилось на его упитанной физиономии. А ведь именно сейчас для него должен был наступить самый напряженный момент. Теперь, когда пираты завладели деньгами, должно было решиться, оставят ли они пленников в живых или пристрелят как ненужных свидетелей?!

– Возьму на память. – Эл схватил чемоданчик и выскочил из каюты. Португалец остался один. Пираты спешно покидали сухогруз. Ему – капитану – уже ничто не угрожало. Но радоваться ли? Он обессилено опустил в кресло. Как теперь, оставшись в живых, он докажет заинтересованным лицам, что не сам стал инициатором нападения? А оправдываться и доказывать ему придется. Он кое-что слышал о человеке, являвшимся отправителем денег. Это человек не принадлежал к числу тех, кто может безнаказанно простить утрату шестисот тысяч долларов!

Ар-5 стремительно уходил в сторону группы маленьких островов. Там катер сможет затеряться. Эл еще продолжал испытывать напряжение. Он стоял за штурвалом в тесной рулевой рубке и нервно курил. Остальные члены команды, после первого азартного воодушевления, также были молчаливы и напряжены. Атмосфера на борту с каждой секундой становилась все более натянутой. Теперь, когда они завладели добычей, между европейцами и тагалами появилось вполне естественное недоверие. Сумка с деньгами оставалась у Фернандо, которого плотно окружили соплеменники. Гинтарас, Иванов и Андрей с Артемом сгруппировались в носовой части катера. Они недобро поглядывали на молодого филиппинца, в руках которого находился один из АКСУ.

Эл затушил окурок. Он понимал, что любое неосторожное действие может спровоцировать как тех, так и других. Последствия будут непоправимыми. Нужно было что-то решать, дабы разрядить обстановку. Когда они уйдут достаточно далеко и причалят к какому-нибудь островку, наступит самый главный момент – момент дележа добычи поровну между тагалами и европейцами. И тогда может произойти все что угодно.

Эл непроизвольно посмотрел под ноги. В углу рубки валялся тот потрепанный чемоданчик с личными вещами мастера, который он в последнюю секунду зачем-то прихватил с собой. В стремительном круговороте событий, когда нужно было как можно скорее оторваться от места нападения на сухогруз, он совсем забыл про него. Вбежав в рубку управления, он просто бросил его в угол и встал за штурвал.

Ар-5 прошел еще несколько миль, петляя между крохотным клочками необитаемых джунглей по узким проливам, и, наконец, застопорил ход в укромной, скрытой от посторонних глаз свисавшими к воде мангровыми зарослями, бухточке.

– Скажи ему, – Иванов нервно затеребил Гинтараса за рукав, кивая на Фернандо, – скажи, пусть вываливает *лавэ*, и будем считать! Ну же!!

Литовец раздраженно отстранился. Однако момент подсчета и дележа действительно наступил. Катер бросил якорь у самого берега так, что его нельзя было обнаружить даже с воздуха.

– Так что там у нас, Фернандо? – громко спросил литовец по-английски, обращаясь к группе тагалов. – Не пора ли взглянуть?

Пожилой филиппинец взмахом руки подозвал европейцев и, раскрыв сумку, вывалил ее содержимое прямо на палубу. В пачках были двадцати, пятидесяти и стодолларовые купюры. Частично пачки были целыми, частично уже распечатанными, поэтому считать пришлось каждую банкноту.

– Сто сорок четыре тысячи, восемьсот двадцать долларов, – закончив подсчет на глазах у всех, произнес Фернандо.

– Что ж, – выпрямился Гинтарас, – по семьдесят две с мелочью вам и нам.

Молодой филиппинец, тот, что держал в руках АКСУ, напряженно спросил о чем-то у Фернандо на тагалогском.

– Чего он хочет?

– Он говорит, что вас только пятеро, – перевел тагал.

– Ну и что? Уговор был, что делим поровну вне зависимости от числа ваших и наших. Разве ты не помнишь?

Фернандо на мгновение прищурился, затем утвердительно кивнул и произнес несколько слов своему молодому соплеменнику.

– А может еще разок кого-нибудь долбанем? – Иванов неуместно хихикнул. Он, как и все, почувствовал радостное облегчение, когда финансовая сторона была улажена любовно. Но в отличие от остальных выказывал радость слишком явно.

– Вы закончили? – неожиданно раздался голос Эла, который все это время наблюдал за процессом дележа, стоя в одиночестве возле рулевой. Он протиснулся к тому месту, где на палубе лежали две равные горки долларов, сгреб их в одну кучу и стал снова укладывать в сумку. – А теперь я буду делить...

Почти разрядившаяся атмосфера напряженности снова накалилась. Фернандо холодно наблюдал за действиями Эла. Филиппинец с автоматом потянул правую руку к затвору. Иванов истерично выматерился. Даже Гинтарас неодобрительно смотрел на друга.

– Если еще разок *долбануть*, – продолжая заниматься своим делом, спокойно произнес Эл, – то власти точно пришлют сюда вертолеты и полицейские катера. Второй раз такая фишка не прокатит. Всех нас быстро обнаружат и отправят туда, куда следует. У меня идея получше. Этих копеек никому из нас надолго не хватит. Чего их делить? А вот если зафрахтовать вместительную посудину с краном, в трюме которой можно пристроить наш катерок, то можно будет долбить и долбить, как вы и желали. Чтобы никто не заподозрил меня в двурушничестве, я предлагаю вот что: с деньгами мы отправимся в Манилу вдвоем с Фернандо. Там зафрахтуем посудину и организуем экспортно-импортную конторку. Надеюсь, так всех устроит?

– Ага, – сплюнул Иванов, – как же, разбежались!

– Действительно, – заметил литовец, останавливая рукой Артема и Андрея, синхронно двинувшихся к Элу с теми сосредоточенными выражениями лиц, которые не предвещали ничего хорошего. – Ты что-то перемудрил. Да и сам говоришь, что это копейки. На что ты зафрахтуешь мало-мальски приличное судно?

– Мои люди не верят тебе, – высказался Фернандо. – И я тоже. Отойди от денег.

Только сейчас Эл оторвался от укладывания долларов в сумку и посмотрел на пожилого тагала. Обстановка нервозности достигла пика. Филиппинец с АКСУ держал палец на спусковом крючке. Достаточно было одного кивка Фернандо, чтобы он выстрелил.

– Хорошо. Вы все мне не верите. Считаете, что с деньгами я помашу вам ручкой. Может быть, *это* заставит вас поверить?! – с этими словами Эл снял висевший за спиной АКСУ, вру-

чил его Артему и прошел в рулевую рубку. Через мгновение он вернулся, неся в руках старый невзрачный чемодан. – Смотрите! – Эл раскрыл его и бросил рядом с сумкой с деньгами. Кейс глухо ударился о палубу. Все остолбенели. Чемодан был доверху набит тугими запечатанными пачками новеньких стодолларовых купюр. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – сумма, находившаяся в нем, в несколько раз больше той, которую делили вначале.

* * *

За неплотно закрытыми шторами забрезжил рассвет. Режиссер Смирнов проснулся и посмотрел на часы. Сегодня он должен быть как никогда в форме, поэтому решил встать пораньше. На широкой кровати сюиты еще спала девушка-помреж – его любовница. В кинематографическом мире помощник режиссера – самая легкая и малопrestижная должность. Помреж – это тот самый «человек с хлопущей» – объявляющий номер кадра. Иногда второй режиссер или ассистенты могут поручить помощнику различные задания, до которых у них самих не доходят руки, но в основном задача помрежа далека от мобилизации интеллектуальных ресурсов. В данном случае она была особенно простой. Любовница Смирнова вообще ни разу не присутствовала на съемочной площадке.

Постановщик резво встал, прогоняя сонливость, и сделал несколько приседаний. Для его тучной комплекции этого оказалось достаточно, чтобы по завершении упражнений он тяжело дышал. Он уже хотел направиться в душевую, как его остановил неожиданно запищавший телефон. В такую рань ему мог звонить только один человек – босс – Семен Фельдштинский.

Но Смирнов ошибся. Это был не глава «Старлако».

– Владимир Владимирович, это Чердынцев, – послышался в динамике трубки взволнованный голос директора картины, – мне только что доложил наш администратор у статистов, у них там ЧП!

– Говори, Боря, не тяни! – насторожился Смирнов.

– Катер пропал.

– Что?!!

– Один из катеров исчез, и несколько человек из массовки вместе с омовцем тоже.

– Старик, ты в своем уме?

– Говорю вам, это правда.

– Ладно, спускайся в холл. Сейчас со мной поедешь на остров, там разберемся.

Смирнов со злобой бросил трубку. Этого еще не хватало! Перед такой ответственной съемкой, в которой будет задействован сам главный герой. Актер, являющийся суперзвездой российского кино и... сыном Семена Фельдштинского!

– Ты что так рано, пупсик? – спросила, потягиваясь, восемнадцатилетняя любовница – глупенькая и прекрасная.

– Поспи еще, дорогая. У меня срочное дело. – Смирнов не стал принимать душ и терять время. Не смотря на то, что он считал инцидент пустяковым (скорее всего, статисты перепились и спяну решили покататься на катере), нужно сделать все, чтобы он не отразился на сегодняшней встрече с сыном босса.

В холле отеля режиссера уже поджидал директор – плотный человек средних лет, всегда готовый услужить начальству. Он не был опытным и матерым руководителем администрации. Но его, как и постановщика, назначил на должность Фельдштинский, которому не нужны были люди знаменитые, а значит своенравные. Генеральный продюсер и единственный инвестор хотел все решать по своему усмотрению и не терпел, когда ему возражали.

– Все, старик, – сказал Смирнов директору, издевательски похлопав его по широкой спине, – если катер к нашему приезду не обнаружится, считай, что ты уволен. Будешь отправлен на «психодром»!

Когда они прибыли на остров, патрульный катер из музея Второй мировой войны так и не нашелся.

– А где ваш товарищ? – едва сдерживая гнев, первым делом обратился постановщик к омонивцам. – Он же должен был охранять реквизит?

– Не знаю, – мрачно процедил старший по званию капитан.

Прошло еще два часа, но обстановка не изменилась. Милиционеры с комендантом опросили статистов, однако безрезультатно.

Смирнов вынул сотовый телефон и, не задумываясь о разнице во времени, отстучал номер личного спутникового «Инмарсата» Фельдштинского, знало который весьма ограниченное число лиц.

– Семен Зиновьевич? Это Смирнов беспокоит, – выбрав наиболее подобострастную интонацию, произнес постановщик. – У нас тут кое-что случилось, я хочу посоветоваться.

Раздался щелчок приема.

– Ну? – за тысячи километров сердито фыркнул босс.

Смирнов обрисовал ситуацию, стараясь говорить кратко и точно.

– Значит, слушай внимательно. Если катер не найдете, никаких обращений в полицию и к американцам. Мне не нужны шумиха и скандал. В случае же если катер *вообще* пропадет, необходимо сделать все, я подчеркиваю все, чтобы договориться с военными о списании реквизита. Мы выплатим за него любую сумму, лишь бы ничего не просочилось в прессу. И о пропавших статистах никому не слова, понял меня?!

– Так точно! – неожиданно для себя самого выговорил Смирнов фразу, которую в последний раз выговаривал лет двадцать назад, проходя срочную службу в рядах СА в качестве кино-механика в офицерском клубе.

– Мои когда прилетают? – сменил тему босс. Теперь его тон был благожелательным, и постановщик понял – туча прошла мимо.

– Через три часа должны приземлиться, – отрапортовал он.

– Ладно. Можешь не встречать их в аэропорту лично. Занимайся катером и подготовкой к съемке.

Смирнов с облегчением отключил связь. В конце концов, зрителю плевать, сколько статистов «джи-ай» задействовано в кадре – девяносто шесть или девяносто один. А катером сегодня можно обойтись одним единственным. Тем, на котором главный герой приплывет спасать свою возлюбленную.

Звезды. Звездами становятся по-разному. Для кого-то путь на Олимп славы и успеха тернист и долог, для иных он прост, быстр и даже, в некоторой степени, комфортен. Ефим Фельдштинский – золотой мальчик российского кино. Он стал им в двадцать два, когда устав от нудных вечеринок с «Дом Периньоном», кокаином и голыми моделями, пришел к отцу, крупному «алюминиевому» магнату, решившему вложить деньги в киноиндустрию, и обыденно так сказал – «хочу»! Отец поспешил выполнить просьбу любимого чада. С этого момента невиданная рекламная кампания, забронированное место на главные роли в супердорогостоящих проектах «Старлако», пресса, радио, телевидение и Интернет – все было в распоряжении Фельдштинского-младшего, теперь ставшего не Фимочкой Фельдштинским, а Василием Золотогооровым. Нужно отдать должное новоиспеченному артисту Золотогоорову. Даже усилия лучших имиджмейкеров, визажистов, гримеров и журналистов не позволили бы в одночасье вылепить кумира миллионов из какого-нибудь бездарного Франкенштейна. Василий же оказался человеком, не обделенным привлекательной внешностью, талантом, что вкупе с молодостью и вышеперечисленными факторами быстро сотворило из него звезду в масштабах СНГ. Миллионы девчонок на просторах бывшего СССР начали сходиться с ума по выющимся, чер-

ным как смоль локонам, по озорному мальчишескому взгляду, по тем образам мужественных и стойких парней, что создавал Золотогоров на экране. Теперь у него было не только богатство, но и слава. А что еще нужно человеку для полного счастья? Ответ на этот вопрос несколько озадачил самого Василия. Ему была нужна любовь. Причем любовь женщины, которая славой и богатством не уступает ему самому.

В первый раз он увидел ее во время организованной его отцом поездки в Чечню, для поддержания морального духа дерущихся с сепаратистскими бандами солдат. Разумеется, основной целью поездки являлось вовсе не это. Семен Фельдштинский посчитал, что если присовокупить к акции соответствующее внимание СМИ, такой пи-аровский ход окажется достаточно эффективным. Ну, а если его сына во время визита в Ханкалу будет сопровождать Алина Беляева – примадонна, звезда балета, таланту и красоте которой рукоплещет весь мир, успех предприятия гарантирован. Оставалось уговорить *такую женщину* составить компанию Василию, в тот момент еще только начинавшему путь к признанию. Ведь это же не какая-нибудь гризетка, из тех, что толпами осаждают пороги киностудий, просмотровых помещений конкурсов красоты и офисов музыкальных продюсеров!

Прием, устроенный в честь Алины Беляевой на роскошной вилле под Геленджиком превошел все мыслимые каноны помпезности. От количества приглашенных знаменитостей разного профиля и масштаба рябило в глазах. Весь вечер Фельдштинский подчеркивал, кто является королевой праздника. А под конец был устроен сюрприз: с низко пролетавшего над виллой вертолета к ногам королевы были сброшены лепестки десяти тысяч роз. После этого Алина не могла устоять. Она дала согласие сопровождать сына продюсера в поездке в Чечню, как только тот вернется из командировки в Лос-Анджелес, где обучался актерскому мастерству у лучших репетиторов Голливуда.

Алина выкроила из своего донельзя заполненного гастрольями графика несколько дней. Сама поездка ей практически не запомнилась. Полет в самолете, из тех, что происходят в ее жизни постоянно, и потому особенно нелюбимы, забинтованные солдаты в госпитале, десять минут в вертолете, те же солдаты возле какого-то полуразрушенного горного села и грязь, грязь, грязь... Она кому-то пожимает руку, кого-то приветствует, исполняет партию Джульетты на импровизированной, наспех сколоченной сцене... Весь этот мир крови и страданий, разрухи и нищеты, был теперь так не похож на ее мир – цветов и улыбок, постоянного творческого поиска, упоения работой. Когда-то и в ее жизни были боль и страдания, но та жизнь осталась в прошлом. Вспоминать о ней она не будет никогда.

Единственным светлым пятном во всей поездке явилось для Алины знакомство с Василием Золотогоровым. Сын Фельдштинского, который был младше ее на несколько лет, оказался очень недурен собой, а главное был обходителен, тактичен и явно восхищался ею. Не смотря на то, что Алина привыкла к тому, что возле ее ног лежат толпы поклонников со всего мира, в числе которых были политики, богачи, аристократы и просто известные личности, ей льстило его внимание. За все время Василий не отходил от нее ни на шаг.

Догадываясь, что простых солдат не удовлетворить одними лишь плизе, батманами и фуэте, как бы виртуозно они не исполнялись, в качестве *довеска* Семен Фельдштинский включил в турне певичек из поп-группы «Сверчки», а также звезду русского шансона Вову Большепосадского. Шансонье пел о тюрьме, Чечне и Афганистане, а певички были молоды и красивы. Они постоянно пытались затащить Василия в постель, сначала поодиночке, а затем, отчаявшись, всем скопом. Но Василий замечал только Алину. С каждой секундой он все больше убеждался в тех чувствах, которые захлестывали его. Элегантная русоволосая красавица, от которой веяло таким внутренним аристократизмом, словно она принцесса кровей, и к тому же огромный талант: бесспорно, такую женщину не сможет заменить и тысяча маленьких глупышек. В последний день турне Василий окончательно понял, что он испытывал, когда думал о ней. Он испытывал... самовлюбленность.

Иметь – владеть всем самым эксклюзивным и лучшим на свете: вот в чем теперь была его цель. Будь то «Бланкпэйн 1735» – самые дорогие в мире наручные часы, выпускаемые лишь двумя экземплярами в год, или дорожная версия гоночного «Ниссана Ар-390», клиренс которого был настолько мал, что в России для такой машины не существовало дорог. И в эту – выстроенную им схему, в этот эталон жизненных ценностей и критериев, не могла не попасть Алина Беляева. Женщина, которую наиболее известная газета мира моды «Вуменз Вир Дэйли» признала самой элегантной женщиной года.

С той поездки в Чечню и начался их роман. Но развивался он не совсем так, как бы этого хотел Василий. Если бы его попросили охарактеризовать одним словом их отношения, он выбрал бы слово – «вялотекущие». Это определение казалось наиболее точным. Встречи их были редкими, поскольку график постоянных поездок и гастролей Алины почти никогда не совпадал с графиком поездок Золотогорова. Вдобавок сама Алина сохраняла дистанцию и не торопилась окончательно связать с ним свою судьбу. Однако после съемок нового блок-бастера «Старлако», где он настоял, чтобы его партнершей была она, Василий решил сделать последнее решающее усилие. И тогда выстроенная им схема всего «самого-самого» приобретает окончательный вид.

Ассистент режиссера Смирнова по актерам нервничал. Какого черта толстяк отправил его встречать знаменитостей в аэропорт, а не поехал сам?! И какого черта их не встречает Чердынцев или кто-либо из административной группы, с кем, в случае чего, можно было разделить вину?! Хотя бы тот же ассистент по статистам, бездельничающий на острове с дармовым пивом?!

Да – ему было от чего нервничать. Ассистенту перевалило за сорок, и работал он на студии уже давно. Всегда получал мизерную зарплату. Пережил смутные времена, когда в начале девяностых казалось, что студии пришел конец, и тогдашнему директору Ленфильма Голутве, чтобы хоть как-то удержаться на плаву, пришлось сдать львиную долю павильонов банкирам, торговцам мебелью и компьютерами, кабатчикам и телевизионщикам. И вот – свершилось. Он приглашен на работу в «Старлако»: в этот волшебный мир с киноэкспедицией в экзотическую страну, месячной зарплатой, идентичной его прежней ставке за два года, и поистине голливудскими условиями работы! Потерять все это равносильно самоубийству! Ассистент не понаслышке знал о капризном характере звезд. Чуть что не так – отвечать ему. Он помнил, как лет десять назад, выходящий в тираж плейбой российского актерского цеха устроил на съемках фильма грандиозный скандал. Только за то, что вместо «СВ» на поезд Москва – Ленинград ему предоставили «купейный». Член съемочной группы, который с огромным трудом уговорил кассира Ленинградского вокзала выделить купейный билет из особой брони, был немедленно уволен. Оказаться в шкуре того неудачника ассистент себе позволить не мог. Благодаря работе в «Старлако» одна строительная контора предоставила его семье новую квартиру в рассрочку, дети теперь ходили в престижную школу и готовились поступать в платный ВУЗ, а жена не ушла окончательно к своему любовнику – владельцу трех торговых палаток на Сытном рынке. *Нет – именно теперь ему никак нельзя оказаться на «психодроме» – ленфильмовском зале, где коротали время розовые рабочие!*

«Черт бы их всех побрал!» – в очередной раз выругался про себя ассистент.

По залу прилетов на пилипино и английском прозвучало сообщение, заставившее его ругаться и нервничать еще сильнее. Частный реактивный самолет «Гольфстрим 4» приземлился в манильском аэропорту «Ниной Акино».

Когда те, кого он встречал, прошли формальные процедуры и появились в зале, ассистент расплылся в улыбке безграничного счастья. С этой улыбкой он стал продираться сквозь плотный ряд репортеров, бросившихся к стройной светловолосой женщине с какой-то особен-

ной, грациозной походкой. Из прибывшей на Филиппины звездной пары местных журналистов интересовала только она – Алина Беляева.

– Я смотрю, они не очень-то ценят одного из нас, – глядя на Василия, засмеялась Алина, когда сопровождавший их охранник аэропорта оттеснил представителей СМИ и освободил проход. На ней было простое белое платье от миланского дизайнера Милы Шон, светлые волосы стянуты в тугий пучок, а огромные солнцезащитные очки закрывали половину лица.

– Пока что я – не оскараносец, – засмеялся в ответ Золотогоров, избравший для поездки в тропическую страну шорты, майки и сникерсы, сшитые на заказ у лондонских портных.

– Пожалуйста, машина ждет, – излишне суетился встречавший их ассистент Смирнова.

Они разместились в комфортабельном заднем отсеке лимузина, и арендованный администрацией для представительских целей девятиместный тюнинг-кабriolet «Таун-кар» направился в финансовый центр города – Метро. В Ризал-Парке для Алины и Василия были забронированы две многокомнатные сюиты в одной из лучших гостиниц Филиппин «Манила Отель».

Пока два гостиничных батлера, шофер и ассистент режиссера возились с багажом, Золотогоров с Алиной вошли в роскошный вестибюль здания, построенного в 1912 году. Женщина остановилась, разглядывая витрину магазинчика сувениров, а Василий двинулся к стойке портье.

– У нас забронировано два люкса, – произнес он по-английски, доставая паспорт.

Клерк просмотрел базу данных в компьютере и отрицательно покачал головой:

– Сожалею, но здесь какая-то ошибка. Все сюиты на данный момент в отеле заняты представителями стран тихоокеанского региона, съехавшимися на ежегодный...

Василий не дослушал. Он направился к появившемуся в дверях ассистенту.

– Послушайте, а ведь нас, как бы это сказать, никто здесь не ждет.

Ассистент Смирнова побледнел, опустил на пол дорожную сумку одной из звезд и стал спешно отстукивать клавиши мобильного телефона. Руки его дрожали. Он сумел дозвониться до Чердынцева лишь с третьего раза.

– Все верно, – подтвердил директор. – Гостиница «Манила». Я сам заказывал.

– Борис Саньч, ты что?! – ассистент едва не выматерился вслух. – Нам здесь *русским языком* же сказали, все занято участниками саммита.

– Могу ли я чем-то помочь? – поинтересовался клерк-филиппинец.

Василий вкратце обрисовал ситуацию.

– Ах, вот в чем дело, – улыбнулся портье. – Я понял. У нас есть «Манила Отель» и «Отель Манила». Вы, вероятно, перепутали. Это гостиница на бульваре Роксаз.

Когда Золотогоров перевел слова филиппинца ассистенту Смирнова, и без того не лучшее состояние последнего ухудшилось ровно в два раза.

«Линкольн» повез звезд по новому адресу.

– Ты даже не представляешь, как я дожидаюсь минуты, когда вся эта чехарда кончится, и мы останемся в номере одни, – произнес Василий, доставая из бара бутылку сока.

– Ты смеешься? – удивилась Алина. – Уже съемка скоро, а я еще хочу принять ванну, отдохнуть с дороги, подготовиться. Если бы не было задержек, то тогда, возможно...

«Ублюдок!» – зло подумал Василий о сидевшем рядом с шофером ассистенте.

Машина выехала на бульвар Роксаз, вдоль которого тянулись современные здания отелей.

– На этой набережной раньше стояли старинные колониальные постройки – католические церкви и другие памятники архитектуры. Мне об этом говорил экскурсовод, когда я в первый раз была на гастролях в Маниле. Вдова Маркоса велела всех их снести и освободить территорию для развития туристической инфраструктуры. Между прочим, знаешь, кто одно время являлся главным дирижером Манильского симфонического оркестра? Ее двадцатилетняя дочь.

– А-а – вдова Маркоса – Имельда, – протянул, отвлекшись от своих мыслей Золотогор. – Я смотрел передачу по телевизору. Это не у нее ли было тридцать тысячи пар обуви и пятьдесят тысяч бюстгалтеров?

«Таун-кар» остановился возле гостиницы «Трайдер Отель Манила». Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – этот отель классом ниже, чем предыдущий.

– А мне здесь нравится, не беспокойтесь, – осмотрев номер, состоявший из спальни и холла, сказала Алина ассистенту. Тот подобострастно суетился, пытаясь загладить оплошность, взмахивал руками и тараторил без умолка.

– Понимаете, такая накладка. Мне очень жаль, что так произошло. В следующий раз...

Стоявший в дверях Золотогор, сделал незаметный жест появившемуся в номере батлеру. Филиппинец-посыльный тихо поставил на трюмо вазу с цветами и удалился. Этот роскошный букет редких орхидей с острова Себу обошелся Василию в пятьсот долларов. Теперь Алина не сможет устоять!

– Ладно, не волнуйтесь. Вы свободны, – остановил он поток оправданий, лившийся из уст ассистента.

Ленфильмовский работник попятился задом к выходу. При этом он продолжал извиняться и красноречиво махал руками до тех пор, пока случайно не скинул фарфоровую вазу с драгоценными орхидеями. Рухнув на пол, ваза разбилась, а букет теперь представлял собой жалкое зрелище. Алина не сумела скрыть улыбку, увидев полуобморочное состояние ассистента.

– Да идите же, идите! Горничная все уберет. Ничего страшного. С каждым бывает. – Василий буквально вытолкнул в коридор беднягу, руками подбирившего осколки.

– Что ж, – засмеялась Алина, – по всем канонам ты теперь должен настоять на увольнении этого растяпы?

– Это как раз то, что я собираюсь сделать меньше всего. Отдыхай. – Золотогор улынулся и пошел к себе в номер.

– Нарожают же недоносков! – зло прошептал он, на ходу раскрывая сотовый телефон.

– Я постоянно пытаюсь дозвониться до вас! – послышался взволнованный голос режиссера Смирнова. – Как вы устроились? Я уже слышал об этом дурацком недоразумении.

– Не беспокойтесь, все в порядке. Просто я обычно отключаю мобильник.

– Ясно. Вы в курсе, что мы арендовали вертолет на американской базе, чтобы доставить вас и госпожу Беляеву на съемочную площадку?

– Да. Мы скоро будем. И... вот еще что. Тот человек, который встречал нас в аэропорту...

– Я слушаю?...

– Премиируйте его как-нибудь. Он произвел хорошее впечатление.

Золотогор отключил связь. Ему очень хотелось переспать с Алиной, ведь последний раз они были близки несколько месяцев назад. И если бы не придурок-ассистент, которого следовало бы!..

Но в выстроенной им схеме Василию Золотогорову отводилась роль идеального человека. И ко всему прочему, он должен обладать такими качествами, как великодушие, уважение и бережное отношение к тем, кто от него зависит. Именно так должен поступать Василий Золотогор. Фима Фельдштинский поступал иначе...

Вечеринка была в самом разгаре. Она проходила на подмосковной даче сына главы инвестиционного фонда «Гефест» Дениса Гиндберга. Здесь собралась богема – представители «золотой молодежи» Москвы. Сыновья тех, кого принято именовать «новыми русскими». Чтобы скрасить мужской коллектив, хозяин пати вызвал на вечеринку нескольких девушек, работавших в модельном агентстве «Рашен Старз». Когда компания перебралась в подвальное помещение, где находился пятнадцатиметровый бассейн, вечеринка превратилась в оргию.

Шампанское «Дом Периньон» лилось рекой. Стол ломился от белужьей икры, а две хрустальные вазочки были доверху наполнены белым порошком – кокаином и героином. Обслуживали гостей трое студентов из Нигерии. Денис Гиндберг еще с детских лет, когда он посмотрел фильм «Всадник без головы», мечтал, что когда-нибудь и у него будут чернокожие слуги.

– Посмотрите-ка! – неожиданно воскликнул кто-то, указывая на светловолосую длинноногую девушку в бикини. Она безвольно развалилась в кресле и тупо уставилась в одну точку. – Посмотрите, как «герыча» перенюхала.

– Ден, дай ей нюхнуть «кокса», тогда мигом «снимет». На что нам безвольное полено?

– Эй, девчонки, что это у вас за подружка такая слабенькая?

– Она у нас звезда, – захихикали девушки, – на днях отправила по Интернету свое портфолио в «Виву»!

Теперь стало весело всем. Одно дело работа в доморощенном «Старз», образованном без году неделя, и совсем другое замахнуться на известнейшее парижское модельное агентство «Вива».

– А знаете, что самое смешное, – продолжали девушки, – ее пригласили в Париж для «живого кастинга» и купили билет бизнес-класса на рейс Аэр-Франс. Так что через неделю она... тю-тю!

– Ни фиги себе! – присвистнул Денис, двинувшись в сторону развалившейся в кресле девушки. – Надо скорее поиметь тебя, крошка. Пока не поздно. Пока совсем не зазналась.

– У меня идея получше, – усмехнулся Ефим Фельдмитинский. – Зови сюда своих черных и неси... видеокамеру. Мы сейчас свое портфолио организуем.

Присутствовавшие на вечеринке загорелись этой идеей. В особенности девушки, каждая из которых завидовала счастливице черной завистью.

– Ты звал нас, масса? – В зале появились африканские студенты. Масса Денис любил, чтобы они к нему обращались точь-в-точь, как рабы обращались к белым плантаторам.

– Вот что, бойз. Видите ту леди? Она вместе с вами утверждена на главную роль. Ясно, в каком фильме? Тогда поехали...

Дважды повторять не пришлось. Африканцы довольно заулыбались и разделись догола. Все трое имели гибкие мускулистые фигуры и внушительные мужские достоинства, всегда, казалось, находившиеся в полуэрегированном состоянии. Одурманенная героином девушка позволила снять с себя купальник, вяло раздвинула ноги и открыла рот...

– Теперь мы это сканируем, – улыбнулся Фельдмитинский, когда все закончилось, – и запустим в «Нет».

Они так и поступили. Распространили отснятый материал на таких, ставших популярными во всем мире сайтах, как «Лучшие потаскухи России» и «Индивидуалки Москвы». Одна из копий была направлена по электронной почте в «Виву». Она была снабжена пояснением – «Я еще и это могу».

Через месяц несостоявшаяся звезда парижской моды работала на Тверской. А еще через полгода, после того, как на очередном бандитском «субботнике» ей изуродовали бритвой лицо, перебралась на продуктовый рынок в Куницево, где обслуживала торговцев с Закавказья.

Арендованный у американцев «М-Д Дуглас 600», развивающий крейсерскую скорость в 280 километров в час, быстро доставил Алину и Василия к месту съемок. Когда лыжеобразные шасси коснулись прибрежного песка, к вертолету устремился режиссер Смирнов вместе со всей своей свитой.

– Все готово! У нас уже все готово, можно приступать. Грумеры и костюмеры в тех микроавтобусах. – Смирнов махнул рукой в сторону двух «Ниссанов Серена».

Пока актеры переодевались и накладывали грим, постановщик в последний раз лично проверил каждую мелочь. Он остался доволен декораторами из группы художника-постанов-

щика. «Настоящий ад! – восхитился он, осмотрев макет концентрационного лагеря. – Американцы зальют весь поп-корн крокодиловыми слезами!»

Не меньше порадовали его и статисты, завербованные в одной из маленьких бедных деревень. Вид у мужчин, женщин и детей оказался соответствующий. Их даже не нужно было гримировать. Они прекрасно смотрелись в образе изможденных в застенках узников.

Когда до начала работы оставались считанные минуты, на горизонте показался катер. Красивое железное тело рассекало окрашенный пурпурными красками заката океан. Смирнов прищурился, вглядываясь в его очертания. «Нагулялись, засранцы!»

Однако, не смотря на то, что катер являлся военным, это был не пропавший Ар-5.

К берегу подошла отчалившая от катера моторка. На прибрежный песок спрыгнули молодой статный филиппинец в форме морского офицера и еще один мужчина постарше с сухим усталым лицом. Он был облачен в строгую серую двойку. Постановщик шагнул навстречу непрошеным гостям.

– Чем могу помочь?

– У вас здесь снимается кино? – ответил вопросом на вопрос гражданский. – Мне нужен кто-либо из руководителей киногруппы.

– Я – постановщик, – отрекомендовался Смирнов.

– Прекрасно. Моя фамилия – Вирата. Бенигно Вирата. Я являюсь представителем Национального бюро расследований – филиппинской службы безопасности. У меня к вам несколько вопросов.

– Пожалуйста, только позже. В данную минуту я...

– В процессе съемок вы используете военные катера. Так?

– Да... «Во что же вляпались эти говнюки?!»

– Они все на месте?

«Никаких обращений в полицию! Но они же сами обратились? Это ты будешь объяснять потом – Фельдштинскому!!» – Смирнов сделал вид, что закашлялся:

– Ну, конечно. Как видите – они на месте и готовы к съемке. «Какой черт дернул меня подойти к ним? Лучше бы с ними объяснялся Чердынцев!»

Вирата оглянулся в сторону дрейфовавших в бухте катеров.

– Ладно. Если вы нам еще понадобится, мы сообщим. Счастливой работы.

– А что произошло? – озабоченно спросил постановщик.

– Пираты. Настоящий бич нашей страны. На этот раз при нападении на судно недалеко отсюда они использовали военный катер. Поэтому мы были вынуждены проверить все ли у вас в порядке.

– Понимаю... – покачал головой Смирнов. Он ровным счетом ничего не понимал.

Яркие всполохи взрывов то и дело озаряли сгущающиеся сумерки. Под громогласный рев лавина атакующих устремила вперед. Ничто не сможет сдержать порыв солдат, когда до цели остаются считанные метры.

«Джи-ай» карабкались вверх – в гору. Многие из них падали, но новые ряды героев все ближе подбирались к воротам лагеря. Вот разлетелась в щепки одна из сторожевых вышек. Навсегда умолк японец-пулеметчик, покосивший много храбрых американских парней. Главная камера старательно запечатлела бутафорские ошметки рук, ног и кишок, летящих в разные стороны. Того – что осталось от японца после удачного выстрела из миномета.

Из тростниковых барачков навстречу освободителям уже бегут узники. Мужчины, женщины, дети. Они обнимают солдат. По их изможденным лицам текут слезы радости. Красивый молодой офицер в форме военного летчика бежит впереди всех. В одной руке он сжимает автомат, а в другой древко флага. Он не замечает тянущихся к нему благодарных рук. Наконец, в самом конце толпы узников, он видит девушку. Она бросается в его объятия. Летчик нашел

свою возлюбленную. Он счастлив. Он швыряет на землю автомат и обнимает девушку одной рукой. А другая рука его вытягивается вверх, и вместе с ней устремляется вверх знамя. Звездолосатое полотнище американского флага победоносно реет над землей.

– Стоп! – скомандовал Смирнов. – Снято. Да стоп же...

– Ты увлекся, – заметила Алина, освободившись, наконец, от поцелуев Василия, которые становились все более настойчивыми. После сигнала «стоп» Золотогоров швырнул флаг на землю рядом с автоматом и теперь уже двумя руками откровенно ощупывал грудь и бедра партнерши.

– Хотя бы здесь есть возможность, – делано-обижено сказал он. – Нужно пользоваться моментом.

– Друзья мои, это было великолепно! – подбежав к исполнителям главных ролей, поттичьки защебетал Смирнов. – Никогда в жизни не видел такой глубины чувств, такой экспрессии, такой...

– Смываемся, – тихо шепнул Золотогоров Алине. Они направились к поджидавшим их костюмерам и гримерам.

– Я слышал, ты через пару дней опять отправляешься в турне?

– Ты прав. – Алина на ходу скинула какую-то рваную кофту, в которой изображала пленницу. – У меня контракт не только с Мариинкой.

Василий несколько мгновений молчал, а затем выпалил без обиняков:

– Почему бы тебе ни закончить выступать и ни переехать жить ко мне насовсем? – Раньше он никогда не желал, чтобы она завершила карьеру. Ему нужна была именно звезда, о которой пишут в газетах и снимают телепередачи. А о *бывших звездах* все быстро забывают, появляются новые. Теперь же, убедившись, что в качестве действующей звезды она всегда будет поступать по-своему, он решил изменить тактику. Больше всего на свете он хотел, чтобы *она от него зависела*.

В ответ на предложение Василия Алина лишь рассмеялась.

Через полчаса пилотируемый двумя американцами выкрашенный в ярко-красный цвет «Дуглас» взмыл в воздух и взял курс на Манилу. А еще через несколько часов, этой же ночью, «Гольфстрим 4» вылетел в Петербург.

Из-за чехарды со сменой часовых поясов Алина проснулась только под вечер. Она жила одна в ста двадцати метровой, самой небольшой квартире построенного несколько лет назад элитного дома на Петроградской стороне. Дом был настоящим «городом в городе». Здесь имелся полный набор атрибутов присущих так называемому VIP-сектору первичного рынка жилья: подземный гараж, зимний сад, супермаркет, солярий, сауна, бассейн, фитнес-центр, ресторан, прачечная, еще один ресторан, служба горничных и так далее. Когда Алина приобрела здесь квартиру, еще не существовало таких понятий, как «фэйс-контроль» и «заселение жильцов по принципу однородной среды». Квартиры в только что построенном доме мог купить любой, располагающей необходимыми средствами. Поэтому Алина была, пожалуй, единственным жильцом, заработавшим свои деньги трудами праведными. Среди ее соседей оказалось много сомнительных нуворишей-банкиров, дорогих проституток, бонз петербургского отделения правящей партии и прочих малоприятных личностей, по тогдашней моде носивших бардовые пиджаки и «пудовые» золотые цепи. Некоторых из соседей за эти годы уже *отстрелили*. Однако не на территории дома: *не в подъезде*, как это обычно бывает. Продавая освобожденные из-за непомерной квартплаты семьями покойных квартиры, владелец строительной фирмы особо подчеркивал роль хаус-секьюрити: «Ни один из наших бывших жильцов не был застрелен на расстоянии ближе одного километра от своего дома!» Алину строгая охрана устраивала. Так ей было спокойней. Причем она опасалась не воров или тем паче киллеров, и даже не навязчивых поклонников ее таланта. Она опасалась... журналистов. Алина

ни разу в жизни не дала ни одного интервью представителям российских средств массовой информации. И это их бесило. Журналисты лезли из кожи вон, чтобы заполучить его. Это был вызов их профессиональному самолюбию.

Все началось в самом начале ее карьеры. Главный редактор женского журнала «Метрополитен» снизошла до того, чтобы лично задать пару вопросов восходящей звезде балета. В гримерку Кировского театра с видом хозяина вошла заметно молодящаяся дама средних лет. Она панибратски похлопала одетую в балетную пачку Алину, улыбнулась большим ртом и произнесла на американский манер:

– Хай! Я из «Метрополитена». Как насчет того, чтобы сделать ваше лицо, милочка, лицом обложки в следующем месяце? Мы хотим иметь о вас большой репорт.

К ее немалому изумлению балерина не засияла от восторга. Слова же еще больше удивили редакторшу.

– Могу я дать ответ позже? После того, как ознакомлюсь с каким-нибудь из номеров вашего журнала?

– Хм... можете...

В тот же день Алина приобрела на газетном лотке свежий номер «Метрополитена».

На страницах журнала, среди яркой рекламы заоблачно-дорогих товаров, какие на турецких барахолках можно было приобрести раз в пятьдесят дешевле, иногда попадались плоды журналистского творчества. Алина прочитала первую же статью, озаглавленную – «Женщина в стиле Метро». В ней рассказывалось о некой девятнадцатилетней бизнес-вумен, называется «красавице невиданной красоты», которая устав за год от сидения за спиной мужа-бизнесмена в «золотой клетке», сама занялась бизнесом. И стала... председателем совета директоров нескольких банков. Следом за статьей о современной хай-тек-Золушке размещался чрезвычайно актуальный тест для читательниц: «Ваш муж уехал в деловую командировку в Нью-Йорк, а к вам в загородный коттедж приехал любовник. Он поставил свой „Феррари“ возле входа. Вдруг вы видите, что по шоссе к дому едет „шестисотый“ „Мерседес“ мужа. Ваши действия?»

«Сказать мужу, что приехал водопроводчик», – Алина решила, что именно такой журнал, как «Метрополитен», как никакой другой мог бы послужить трамплином для «раскрутки». Однако от интервью она все-таки отказалась. Больше всего на свете она не хотела ворошить прошлое. Невидимые нити, связанные с ним, оборваны навсегда. Она старательно вытравливала из памяти воспоминание о двух людях, один из которых был когда-то для нее самым близким человеком на земле, а другой убил ее любовь, но сделал из Алины Беляевой ту, кем она стала...

1985 год. Город Кириллов. Вологодская область.

Среди множества небольших, исконно русских городов, Кириллов мог выделиться по двум причинам. Во-первых, в черте города на берегу Сиверского озера располагался знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь, построенный в четырнадцатом веке, а во-вторых, – в Кириллове некогда проходили съемки популярного фильма «Достояние Республики». Больше ничем особым этот десятитысячный городок похвастаться не мог. Те же добросердечные, простые русские люди, как и в других городах и деревушках русской глубинки, та же улица имени Ленина, естественно, самая длинная, Исполком, единственная гостиница «Русь» и Дом Культуры – в трехэтажном краснокирпичном здании бывшего Гостиного Двора. Именно в этом доме, в маленькой хореографической студии «самодеятельного танца» и начинался путь к славе Алины Беляевой.

В восемьдесят пятом ей было пятнадцать. К тому времени она посещала студию три раза в неделю уже одиннадцать лет. С ней и еще с пятью девочками занималась Арина Тимофеевна, шестидесятипятилетняя сухонькая старушка с добрым живым лицом. Арина Тимофее-

евна к большой профессиональной сцене имела поверхностное отношение: когда-то давно танцевала в кордебалете областного театра. Свои занятия она вела в основном... по учебнику – по «Методическому пособию для преподавателей начальных классов хореографических училищ». Преподавала девочкам классический танец, историко-бытовой, характерный. Объясняла разницу между мазуркой и полонезом. Ну, и, разумеется, репетировала.

Бесспорно одна из ее учениц – Алина Беляева – выделялась среди других. Даже человек далекий от понимания разницы между пор де бра и батман-тандю, не мог бы этого не увидеть. Но для Арины Тимофеевны все девочки оставались одинаковыми. В конце концов, главным для них являлось прикосновение к азам великого искусства, что обогатит их внутренний мир в будущем. Кем бы они ни стали: докторами, учителями, а может быть продавщицами или доярками. Она любила своих учениц и старалась вложить в них что-то светлое. На занятиях она не делала упор на «голую технику». «Главное в танце – выразительность, умение передать образ!» Девочки на любовь отвечали взаимностью, и каждая посещала студию с радостью.

В один из понедельников сентября 1985-го года, когда воспитанницы Арины Тимофеевны пришли после школы в ДК, им сообщили, что уроков танца больше не будет. Прошедшей ночью Арина Тимофеевна скончалась.

Вернувшись домой, Алина проплакала весь остаток дня и всю ночь. Для нее это был особенно сильный удар. Девочка буквально бредила балетом. Она посвящала ему почти все свободное время – повторяла упражнения, показанные Ариной Тимофеевной. Она жила с родителями в простом деревенском доме с огородом и курами, но мать, видя усердие дочери, разрешила ей не заниматься подсобным хозяйством, делала все сама. Мать считала, что из дочери растет настоящая балерина. Отец лишь усмехался и недовольно ворчал, вспоминая афоризм Райкина по поводу динамо-машины.

На следующий день после школы Алина поспешила в ДК. Несмотря на то, что она очень жалела умершую учительницу, не могла скрыть радости. Девочкам из группы сообщили, что уроки танца продолжатся с новым преподавателем. Когда Алина, сгорая от нетерпения, вошла в класс, ее встретил завхоз Дома Культуры. Это был крупный мужчина с физиономией пурпурного цвета, всегда носивший пиджак и кирзовые сапоги. Очень часто от него пахло водкой.

– Я и есть ваш новый учитель! – объявил он.

– Но... чему вы будете нас учить? – спросила за всех Алина.

– Как чему? Танцам! Нашим народным танцам. – С этими словами завхоз включил старый катушечный магнитофон. Из динамика полились звуки баяна – пять нот, постоянно повторяющиеся в одной и той же последовательности. Завхоз начал громко стучать по паркету каблуками, гнусава частушки:

*Эх, раньше я давала всем кому не лень,
А теперь моя давалка получила бюллетень!*

Череповец, Череповец,

Мне без мужика – п...ц!

Алина поняла, что с мечтой о сцене можно распрощаться.

После того, как девочка поведала о своем горе матери, та резонно заметила:

– Хорошо, хоть, такой есть. Где ты у нас в городе сыщешь лучше?

«Ничего она не понимает», – с грустью подумала дочь.

Она смирилась с неизбежным. Да и стоило ли питать какие-то иллюзии? Наверное, покойная Арина Тимофеевна была права. Видя, с какой страстью Алина увлекается балетом, как она грезит о «большой сцене», старая учительница постаралась тактично объяснить девочке, пока ее мечты не зашли слишком далеко: «Пойми, все, что мы делаем, конечно, очень важно и нужно, но... для того, чтобы попасть даже в самую малоизвестную труппу этого не достаточно». И все-таки Алина продолжала надеяться. До сего дня.

Алина забросила каждодневные многочасовые тренировки. Она стала обычной девочкой обычного провинциального городка. Теперь она могла чаще встречаться со своим другом Леньей – бывшим одноклассником, который поступил в речное училище. С мальчиком они дружили уже несколько лет. Леня жил на южной окраине Кириллова в одном из немногих домов современной постройки. Он был крепким коренастым юношей, обладавшим немалой физической силой. Что-то было трогательного в том, как этот «задира» и «хулиган» всегда провожал хрупкую, как статуэтка, Алину после уроков, неся ее портфель. За эти годы детская дружба постепенно превратилась в нечто большее. Дружба переросла в любовь.

– Мы обязательно поженимся, – серьезно говорил ей десятилетний Леня, когда они только начинали дружить.

– Ты будешь моей женой, – говорил он после их первого поцелуя.

– Ты моя жена, – сказал Леня вслед за тем, как она отдала ему самое ценное, что есть у девушки.

И Алина знала – это правда.

Со дня смерти Арины Тимофеевны прошел месяц. Алина окончательно успокоилась. «Я просто родилась не в то время, не в том месте». Девушка выбросила из головы все «глупые мечты» и серьезно готовилась к поступлению в Череповецкий педагогический институт имени Луначарского. Как-то, по окончании уроков, в школе появился директор Дома Культуры.

– Девочки, те которые занимались у Арины Тимофеевны в кружке пляски, – объявил он, – с этого дня можете возобновить занятия. У нас появился новый преподаватель.

«Чему он научит на этот раз? – скептически усмехнулась Алина, вспомнив скабрзные частушки завхоза. – Не пойду!» Однако подруги уговорили ее. И она пошла с ними ради любопытства.

Возле станка в классе стоял поджарый импозантный мужчина лет сорока. В своем светло-сером костюме и ярком кашне он выглядел очень необычно для такого города, как Кириллов. Бросив на вошедших девочек беглый взгляд, мужчина представился:

– Здравствуйте, девочки. Я ваш новый хореограф. Меня зовут Герман Анатольевич Зарицкий. Раньше я преподавал в ленинградском Вагановском училище...

Когда Герман Зарицкий впервые увидел Кириллов, чувство безысходности, не покидавшее его два последних месяца, сменилось паникой. «Это еще хуже, чем я предполагал!» Он приходил в ужас от всего: от отвратительно одетых людей, отвратительно окаяющих в разговоре, от жалкой квартирке в двухэтажном деревянном доме с общим туалетом на этаже и развешенным на веревках бельем, а главное от той работы, которую ему придется здесь выполнять. «Почему я не воспользовался случаем тогда, когда представилась возможность?! Я был бы сейчас там, где Баланчин, Барышников, Нуриев!» Но когда Зарицкий думал об альтернативе, он понимал, что нужно смириться. Пока смириться. Ведь из двух зол лучше, как известно, наименьшее. «Ничего, я еще выберусь из этого ада! Я – один из лучших хореографов в стране, а может и в мире, обязательно вырвусь отсюда! Нужно только переждать год пока все уляжется». И вот теперь Герман Зарицкий увидел тот *материал*, с которым ему предстоит работать. Он еще раз взглянул на готовых к репетиции девочек, стараясь скрыть в своем взгляде безразличие.

– На пуанты, девочки! Покажите, на что вы способны. – Юные танцовщицы выстроились вдоль станка. – «Господи, да половина из них просто свиноматки!» Вы знаете девочки, что такое – па? Хорошо. Начинаем...

Едва заметная усмешка медленно сползла с его лица. Глаза Зарицкого округлились. «Мой Бог! Какие выворотность, шаг, подъем! Какие – органика движений и чистота в ногах!» Он подошел ближе к одной из девочек и смотрел только на нее. Остальные прекратили занятие и тоже смотрели на Алину Беляеву.

– Плие! Деми-плие! Батман! Гран-батман! Тандю-батман! – Зарицкий не верил самому себе. «Это почти готовая звезда! Этуаль! Такой талант – один на миллионы! На миллиарды!!» Хореограф постарался взять себя в руки и скрыть охватившее его волнение. – Ну, что ж, девочки, на сегодня все. Я познакомился с вами, а со следующего раза начнем работать.

Ему нужно было как можно скорее остаться одному и подумать. Зарицкий молча ходил по классу взад-вперед, осмысливая увиденное. Наконец, он остановился. На его лице застыло выражение торжества. Он понял, как поступит. «Вы еще все у меня поваляетесь в ногах, недоумки!» – прошептал он, глядя в пустоту.

– Какой он очаровашка! А какие манеры! Немножко староват, но... – делились своими впечатлениями подружки Алины. Она же знала только одно – судьба дает ей шанс! Алина много слышала об училище имени Агриппины Вагановой. Именно это училище является мировой Меккой балета. И естественно свои классы там ведут только лучшие из лучших. О том, почему хореограф Зарицкий оказался после балетной Мекки в захудалом ДК, девушка не задумывалась.

С этого дня Алина вновь приступила к постоянной работе над собой. «За месяц простоя я того и гляди разучилась ставить ноги в первую позицию!» Она старалась отточить те элементы, которые считала отстающими. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы новый педагог обратил внимание на ее талант. И после нескольких занятий в классе она поняла – ей это удалось.

Как-то после урока, когда остальные девочки разошлись по домам, Зарицкий предложил Алине на минутку задержаться.

– Я вижу в вас некоторые задатки, которые, впрочем, еще нужно развивать, – сказал он. – Быть может я смогу вам помочь, если... – он на мгновение остановился и внимательно взглянул на нее. – Скажите, балет, что он значит для вас?

Зарицкий затронул тему, о которой Алина могла говорить часами. Девушка с жаром поведала учителю, как она грезит сценой. Как она собирает газетные вырезки и книги о великих танцорах и балеринах и как мечтает повторить их путь. Зарицкий слушал внимательно. Алина была счастлива, что нашла в его лице не просто пассивного слушателя, которого она не могла найти даже в лице матери или своего жениха, но и человека, куда тоньше нее самой разбирающегося в вещах, так ее волновавших. Вместо задержки «на минутку», девушка в тот день задержалась в студии на три часа. И впервые не пошла на свидание с Леней.

С тех пор она каждый раз оставалась после общих занятий в классе и занималась с педагогом по индивидуальной программе. Кроме того, они много говорили. Зарицкий оказался прекрасным рассказчиком. Он поведал девушке о таких историях из жизни ее кумиров, о которых она нигде не могла узнать. У Алины захватывало дух при одном упоминании фамилий Уланова, Максимова, Нежинский. «Когда Нуриева только приняли в Кировский и он пришел на первый урок, ему, как самому «молодому», протянули лейку, чтобы по традиции он полил пол. В ответ он показал всем фигу и сказал: «Я, во-первых, не молодой. А во-вторых, здесь есть такие бездари, которые только поливать и умеют». Алина весело смеялась. «А однажды в Большом поставили балет «Асель». Так сказать, в духе времени. Вы слышали о нем? В одном из актов на сцену под аплодисменты выехал... трактор». Чем больше они общались между собой, тем интереснее становилось Алине с Зарицким. Он был таким необычным, образованным, остроумным. А главное, он вдохнул новую жизнь в ее мечту. Спустя два месяца со дня их знакомства педагог сказал девочке нечто такое, что заставило ее глаза округлиться от удивления: «Я вас люблю и хочу, чтобы вы стали моей женой».

Алина решила, что ослышалась. Ей еще только исполняется шестнадцать, а ему... Однако Зарицкий продолжал говорить искренне, с жаром, сбивчиво:

– Поймите, возраст не должен стать помехой. Ведь главное для нас это искусство. Я смогу сделать из вас настоящую звезду. Только я! У меня огромные связи. Вы же хотите вырваться

отсюда и превратиться в прекрасного лебедя? Блистать на подмостках Кировского, Большого, Гранд-Опера? Я дам вам это.

– Простите, но у меня уже есть тот, за кого я хочу выйти замуж. Да и вообще...

В этот же вечер Алина рассказала о разговоре с Зарицким своему жениху.

– Да он просто старый козел, – отрезал Леня. – Бросай-ка ты заниматься у него.

– Я не могу, ты же знаешь. Я так люблю то, что делаю.

– Тогда пусть он забудет о своих идиотских намерениях.

Но Зарицкий продолжал нашептывать Алине при первой возможности:

– Разве тебе не хочется вырваться в мир? Здесь ты превратишься в одну из этих свинок.

А там – цветы, поклонники, овации! И мы будем вместе, я дам тебе это!

В сквере, возле продуктового магазина на Комсомольской, Леня встретил Зарицкого.

– Послушайте, вы балетмейстер?

– Допустим. А что вам надо, молодой человек?

– Я Алинин друг... жених. Прекратите говорить ей глупости.

Но дьявол-искуситель продолжал свое:

– Тебя в таком возрасте никуда уже не возьмут. Не возьмут без меня, без моих рекомендаций. Я смогу договориться, чтобы ты...

– Если вы действительно хотите мне помочь, – возражала Алина, – почему же обязательно настаиваете на том, чтобы я вышла за вас замуж?

– Потому что мы должны быть вместе. Ты и я. Искусство вечно! А что может дать тебе твой мальчишка? Либо ты будешь прозябать с ним в этой глуши, либо ваши дороги и так разойдутся.

Леня предупредил Зарицкого снова, но это опять не подействовало. Тогда он дождался момента, когда хореограф остался в студии один.

– Мне кажется, вы не понимаете слов? – с угрозой в голосе спросил мальчик.

– Выйди вон, дегенерат! – Зарицкий схватил его за рукав куртки и попробовал выпихнуть из класса.

В ответ Леня крутанул рукой, мгновенно освободившись от захвата, и вlepил хореографу пощечину. Взрослый мужчина отшатнулся, хватаясь руками за лицо.

– А так поймешь?! – И Леня ударил его открытой ладонью по второй щеке. К его изумлению у Зарицкого подогнулись ноги в коленях, он медленно осел на пол и заскулил тонким голосом:

– Я понял, понял. Прекрати-и...

– Так-то лучше.

Зарицкий убедился, что мальчик ушел и только после этого встал. Он вытер платком появившиеся в глазах слезы. «Подонки! Быдло!! Да такому место в тюрьме!» – он на мгновение перестал хныкать и повторил вслух, словно взвешивая каждое слово. – В тюрьме...

Через час в санчасть местного отделения милиции вместе с участковым вошел мужчина, у которого была сильно разбита губа, нос, а один глаз превратился в маленькую щелочку в обрамлении огромного синяка.

– Привет, медицина! Гражданин хотел бы засвидетельствовать побои после избиения, которому подвергся...

На следующий вечер Леня с Алиной стояли на берегу Сиверского озера, когда к ним подъехал милицейский «газик». И Леню забрали. С тех пор Алина Беляева видела его только один раз – в суде. Больше они не встречались никогда.

Прошло несколько месяцев. Как ни было трудно, Алина постепенно свыкалась с их временной разлукой. Она постоянно писала ему, но ее письма оставались без ответа. Впрочем, на то было свое объяснение. Леня, с его буйным нравом, все время подвергался дисциплинарным взысканиям. Даже с приезжавшей на свидание матерью, с самым близким родственни-

ком, злостному нарушителю режима не всегда разрешали видеться. «Ему, просто, отказывают в переписке», – решила Алина. Она сама в любой момент готова была сесть в рейсовый автобус и поехать в колонию, но, учитывая обстоятельства и тот факт, что официально она своему другу никто, поездка казалась бессмысленной. «Всего два года, – утешалась девушка, – всего-то два года подождать. Как армия, быстро. Потом мы будем вместе. А пока у меня есть балет». Она продолжала заниматься в студии Зарицкого, который не оставил своей затее. Хореограф постоянно пытался внушить ей мысль, что только он сможет дать ей будущее. Боясь, что Зарицкий откажется с ней заниматься, Алина больше не встречала его предложения в штыки. Но для себя твердо решила, что своего Леню дождется. В один из дней она навестила его мать, Ольгу Петровну, чтобы узнать, нет ли от жениха весточки. «Пожалуй, у Лениной мамы тоже не много новостей, но хотя бы пару писем за эти месяцы матери позволили бы написать?»

Искренне обрадовавшись визиту девочки, с которой дружил сын, Ольга Петровна в тоже время не смогла скрыть удивления: – А разве он не пишет тебе?

Алина отрицательно покачала головой: – А вам?

Вместо ответа Ольга Петровна раскрыла секретер и указала на аккуратно сложенную толстую пачку писем.

– И в них он... – девушка почувствовала обиду, – в них он ничего для меня не передает, не спрашивает?

Ленина мать удивилась еще сильнее: – Нет. Я думала, что вы и так друг с другом переписываетесь, чего ж ему у меня спрашивать?... Да ты постой, посиди, хоть...

Но Алина сказала «спасибо», спешно попрощалась и выскочила на улицу. «Он просто забыл меня! Я для него никто! Так – развлечение небольшое». – Ее душила обида, и она не могла сдерживать слез. Ей – неискушенному юному созданию, казалось, что мир любви рушится. Казалось, что произошла трагедия, хуже которой уже не может быть ничего...

Через неделю она узнала, что из ВТК Ольге Петровне пришел официальный бланк. Копия приговора, по которому за совершение умышленного убийства воспитателя колонии Леонид Перепрышкин осужден на десять лет. Это означало, что по достижении совершеннолетия, он будет автоматически переведен во взрослое пенитенциарное учреждение. Скорее всего, останется там же – в Череповце. На Череповецком металлургическом комбинате, где занятые на вредных производствах заключенные после пяти лет каторги либо становились калеками, либо умирали. А в этот день что-то окончательно умерло в душе Алины.

«Наверное – такова судьба, – спустя несколько бессонных ночей, решила она. – Я должна смириться или... или окончательно потеряю все. В конце концов, он – не самая худшая партия, если сможет воплотить в жизнь мечту. А любовь в жизни...»

Зарицкий был вне себя от радости:

– Дорогая, мы подадим твои документы в Вагановское. Там, в таком возрасте, проходят стажировку многие провинциалы из провинциальных трупп. Уже сформировавшиеся танцовщики и танцовщицы. Конечно, берут не всех. Но с моими рекомендациями и твоим талантом... У меня знакомый, большой друг Феликс Дутов – замечательный педагог неконформистского толка. Он очень хорошо знает главного балетмейстера Кировского. Я уверен, через несколько лет ты будешь в нем солировать... а я стану твоим мужем и импресарио.

Алина приняла решение:

– Я согласна.

– Какое счастье, любимая! – Зарицкий привлек ее к себе. Ей на мгновение показалось, что его холодный поцелуй – поцелуй змеи. Во всяком случае, после их объяснений в любви с Леной, Ленины поцелуи были куда более жаркими.

На следующий день Зарицкий пришел на переговорный пункт междугородней телефонной связи, расположенный в центре Кириллова в сером, похожем на глыбу здании. Он заказал

переговоры с Ленинградом, с тем самым другом нонконформистского толка. Через пять минут девушка-диспетчер пригласила его пройти в кабинку.

– Это я – Герман, не узнал?

– А-а, – довольно холодно протянул невидимый собеседник, – отчего же, я узнал *вас*.

Зарицкий проигнорировал это «вас»:

– Как поживаешь, Феликс?

– Спасибо хорошо. Вы извините, но я сейчас очень занят и...

– Подожди! Ты что? У меня для тебя сногшибательная новость! Скоро я привезу тебе вторую Макарову. Да что там Макарову, старушка никогда в жизни так не танцевала. Та, которую я нашел, просто фантастика!

– Ты смеешься?! – Не смотря на скепсис вопроса, в голосе Феликса Дутова появились нотки заинтересованности. Он знал, насколько опытным хореографом был Герман Зарицкий.

– Брось, я не смеюсь. Я решил, что и мне пора бы восстановиться на прежней работе. Ей сейчас шестнадцать и она...

– Ха-ха-ха! – больше заинтересованности в голосе не было. – Для колхозного клуба в самый раз. Да и то – исключительно в кордебалете... Извините, но меня действительно ждут. – В трубке послышались короткие гудки.

Зарицкий в бешенстве вышел из кабины и бросил диспетчеру горсть монет. «Я прокаженный, пария, а они – что – чистенькие??»

В июне Алина сдала выпускные экзамены и окончила десятый класс. Теперь начиналась другая жизнь, нужно было выбирать себе дорогу на будущее. Мать хотела, чтобы она направила документы в пединститут. Только теперь Алина поняла, что на самом деле мать ни секунды не верила, что из самозабвенного увлечения дочери что-то получится. «Она такая же, как Арина Тимофеевна – добрая и жалостливая», – в отчаяние подумала девушка. Отец, в свою очередь, вообще был против ее отъезда. «Я тебя и без институтов устрою учетчицей к нам на лесопилку». А о балетном училище в Ленинграде он не желал даже слушать. Но она решила идти до конца. Вместе с Германом Зарицким.

– А где я буду жить в Ленинграде? – спросила Алина у педагога. Ей было страшно ехать в чужой город, в чужой мир. Но раз она не одна, то...

– В общежитии при училище. Где все. А я снова буду в нем преподавать. Потом, когда мы поженимся, будешь жить со мной. Только учти, никакой самостоятельности. Ты должна во всем меня слушаться, иначе... – Зарицкий осекся, чуть не сказав опасную глупость, – ...иначе тебе никогда не удастся добиться настоящего успеха.

Их разговор проходил в квартире Зарицкого. В той самой, которую он возненавидел с первого взгляда. Здесь было тесно и не существовало никаких удобств. Педагог жил один, и только сейчас, приняв окончательное решение, Алина начала задумываться над некоторыми вещами. Почему он приехал в Кириллов, поменяв комнату и работу в Ленинграде? Был ли он женат и есть ли у него близкие или родственники? Впрочем – не важно, если он ее любит. Теперь, когда молодая девушка свыклась с потерей любимого, она снова стала открывать в Зарицком те черты, которые ей так импонировали в начале знакомства. Сердце пустоты не терпит. «Пожалуй, я смогу его полюбить. Со временем. В любом случае, в жизни, а особенно в том, чужом и неизвестном мире, нужен близкий человек, на которого можно положиться».

До дня их отъезда в Ленинград оставалось совсем немного. Алина ужасно волновалась. Ей предстоит выдержать экзамен там, где будут лучшие из лучших. Это не провинциальный ДК. И аудитория совсем иная. А о строгости и авторитете приемной комиссии она боялась даже подумать. Утешало, что Герман будет с ней рядом. Он объяснит тонкости, подскажет, направит в трудную минуту. Ей же нужно лишь успокоиться и продемонстрировать то, на что она способна. «Поступлю, поступлю, поступлю», – твердила она, как заклинание. Матери с отцом Алина сказала, что отправляется в Череповец, где будет поступать в институт Луначарского.

Отец смирился и согласился на компромисс. «В конце концов, это лучше, чем безумная авантюра с танцульками». Но за день до отъезда родители выяснили ее истинные намерения. Разразился грандиозный скандал. Особенно бушевал отец, грозивший всевозможными карами. Ночью Алина собрала вещи, взяла документы и покинула родной дом. Она направилась к тому, с кем решила связать свою дальнейшую судьбу.

Пройдя по пустынным ночным улицам, она дошла до дома, в котором жил педагог. Несмотря на поздний час в окне его квартиры на первом этаже тускло горел свет. «Наверное, он упаковывает вещи», – решила Алина. Завтра утром они должны были выехать в Вологду, а оттуда вечерним поездом в Ленинград. Дополнительный августовский экзамен в Вагановское состоится через неделю, и за эти дни Зарицкий обещал Алине все устроить с документами и *надлежащим образом* представить ее членам приемной комиссии. Девушка вдруг почувствовала эмоциональный подъем. Не смотря на ссору с родителями, все будет хорошо. Со временем им ничего не останется, как понять ее и простить. Она добьется поставленной цели. Алина с удивлением обнаружила, что не испытывает угрызений совести или стыда, оттого что идет ночью в квартиру одинокого мужчины. Напротив, уже познавшее любовь молодое тело сладко ныло от одной этой мысли. «В конце концов, мы собираемся пожениться, так какие могут быть предрассудки?» И все же она решила пройти к нему как можно тише, чтобы отец с матерью избежали ненужных пересудов. Девушка осторожно толкнула входную дверь, но та оказалась заперта кем-то из жильцов. «Слава Богу, он живет на первом этаже и мне не придется бросать камушки», – улыбнулась Алина и направилась к окну квартиры Зарицкого. Она уже собралась постучать по стеклу полуоткрытого окна, но на мгновение остановилась. Ее привлекли неясные звуки, какое-то бормотание доносившееся изнутри. Вдруг она отчетливо услышала голос Германа, обратившегося к невидимому собеседнику:

– Да ты наливай, наливай себе. Я тебя вот что еще хочу попросить... – раздался звон чего-то стеклянного и негромкое бульканье жидкости. – Те доски, что ты принес последний раз, и не доски вовсе. Так – фуфлю одно. Завтра я уеду, а через месяцок-другой вернусь. Ты уж приготовь что-нибудь поинтереснее.

Алина собралась отойти от окна, поскольку у Зарицкого кто-то был и, во-первых, ей не хотелось афишировать свое ночное появление перед посторонними, а во-вторых, казалось не тактичным подслушивать разговор. Тем более что содержание данного разговора ей было не понятно абсолютно. Но тут заговорил второй собеседник и любопытство пересилило.

– Да ладно тебе, бери, что дают. – Голос тоже принадлежал мужчине, причем явно не трезвому. Отчего-то он показался Алине знакомым. Наконец, она поняла, что вторым собеседником являлся их участковый дядя Саша. – Ты мне и без того по гроб жизни должен. Если б я не настоял, пацана бы выпустили на все четыре стороны. Да еще и тебя за клевету привлекли. Избили его, видите ли. Я не эксперт и то сообразил, что ты себе сам морду пытался расквасить. – Кривошонок на секунду прервался, послышались звон, бульканье и громкая отрыжка. – Уффф... крепка проклятая. А вот я тебе вмазал так вмазал. А то интеллигенция даже самой себе харю набить не может. – Милиционер весело рассмеялся. – А со мной Перепрышкин тютю – дорога дальняя, казенный дом. Ну, так берешь иконки-то?

– Сейчас решу, – нехотя ответил Зарицкий. Ему не слишком хотелось именно сегодня, перед отъездом покупать у участкового новую партию икон, выменянных на водку в ближайших деревнях. Ценности они почти не представляли. То, что ему было нужно, он получил давно, и покупал у Кривошонка товар скорее по необходимости. А уникальная икона 17 века давно припрятана в надежном месте, готова к отъезду и уже после будет ждать своего часа. Сейчас главное вернуться из вынужденной ссылки в Ленинград, замять с помощью девчонки скандал и с ее же помощью добиться своей цели – заграникомандировки в любую страну, не имеющую приставку социалистическая. Мужу и балетмейстеру звезды мирового балета это сде-

лать будет проще. А там... А там и иконки и доллары пригодятся на первое время. Правда, вот из-за этих самых долларов он чуть было не потерял все...

Случай Германа Зарицкого был как раз тем случаем, когда из посредственного танцора получился выдающийся хореограф. Несколько лет он выступал в «глухом» кордебалете Кировского «танцором фона» с единственной командировкой в капстрану и без всяких перспектив выдвинуться на ведущие роли. Затем была травма, окончательно поставившая крест на его сценической карьере. Именно после этого он нашел свое призвание, открыв в себе тот дар, который в него заложила природа. Зарицкий с блеском сдал педагогический экзамен на балетмейстерское отделение в Вагановку, и с не меньшим блеском, одновременно с учебой, начал вести класс. У него развился поразительный нюх на таланты. Его сравнивали с Александром Пушкиным, открывшим Нуриева и Барышникова. Замаячили перспективы поездок на стажировку за границу, где, как ему казалось, его ждало блестящее будущее. Разумеется, при разрыве с советским прошлым. Кроме того, его смелая редакция классики вызывала восторг и зависть коллег. Именно зависть и подковерные интриги, как он считал, послужили тому, что на стол директора училища легли показания родителей учеников о вымогательстве педагогом Зарицким взятки. Причем исключительно в твердой валюте. Герман вынужденно написал заявление об уходе, но его недоброжелателям этого показалось мало. Они настояли, чтобы он вообще убрался из города и даже нашли для него вакантное место – хореографа в провинциальном ДК. Зарицкий был вынужден согласиться и с этим. Он обменял предоставленную когда-то театром жилплощадь и оказался в маленьком городе Кириллове в подавленном настроении. Но с мечтой вернуться в «большое искусство» в «свободном мире» он не расстался. При первом же посещении нового места работы он понял, как это сделать. Перед ним был не ограненный алмаз, из которого при надлежащем обращении получится бриллиант самой чистой воды. С людьми, способными найти такие дарования, как эта девочка – Алина Беляева, считаются во все времена. Он снова будет востребован. Но план Зарицкого оказался глубже. Видя, насколько девушка влюблена в балет, он решил подчинить ее своей воле. Сделать так, чтобы она от него полностью зависела. Хотя института театральных агентов и импресарио, аналогичных зарубежным, в Советском Союзе официально не существовало, на практике все обстояло иначе. И он очень надеялся, что когда-нибудь еще станет купаться в лучах ее будущей славы. И в деньгах тоже.

Разыгрывая снедаемого пылкой страстью мужчину перед неискушенным юным созданием можно было добиться желаемого результата быстрее, а дружка девушки Герман в расчет не принимал. В конце концов, то, что Алине способен предложить он, не идет ни в какое сравнение с этим молокососом. Однако парень был настойчивым и несколько раз добивался от Германа, чтобы тот оставил девушку в покое. Поначалу Зарицкого даже забавляла подобная ситуация. Если он и был в кого-то влюблен, то только в себя и в искусство. Вернее в себя в искусстве, притом хорошо оплачиваемом. Но затем ситуация перестала забавлять. Мальчишка явился в студию и от словесных угроз перешел к рукоприкладству. Это было так грубо и противоестественно! Герман боялся и ненавидел насилие, а, кроме того, не мог допустить, чтобы кто-то сорвал его замыслы. Он понял, как поступить. После ухода мальчика он сжал кулак и сперва робко ткнул им себя в лицо. Однако нужного эффекта не последовало. Тогда он превозмог страх и ударил себя два раза сильнее, при этом расцарапав костяшки пальцев о собственные зубы. Лицо горело. От боли Герман едва не терял сознания. Его поташнивало, но он нашел в себе силы и явился в отделение милиции в кабинет участкового инспектора старшины Кривошонка. Выслушав, участковый скептически покачал головой и заявил, что никаких визуальных следов избиения на лице потерпевшего не наблюдает. И даже не советует обращаться с такими пустяками за освидетельствованием к врачу. Зато явственно наблюдается след от удара на костяшках пальцев самой «жертвы». Зарицкий был в панике. Его прекрасный план рушился на глазах. Он стал скороговоркой повторять наполовину придуманные объясне-

ния, как вдруг, неожиданно для себя услышал от милиционера предложение о помощи. Естественно, не безвозмездной. Через пару минут, когда финансовая сторона вопроса была улажена быстро и к обоюдному удовлетворению, участковый встал со стула и приблизился вплотную: – Готов, что ли? – окая, спросил он. Зарицкий не до конца разобрался, к чему он должен быть готов, но на всякий случай утвердительно кивнул. В ту же секунду в его глазах взорвался оранжевый шар, и он потерял сознание. Нанесший три молниеносных удара милиционер выматерился, и полез за нашатырем в ящик стола. Зато теперь при взгляде на лицо хореографа ни у кого не останется сомнений, что тот действительно подвергся жестокому избиению. Протокол допроса потерпевшего и акт медицинской экспертизы оформились по всем правилам.

С момента ареста Перепрышкина все пошло прекрасно. Девушка, казалось, постепенно забывала о своем друге. Герман торжествовал. Однажды он не смог устоять и снова обратился за помощью к старшине Кривошонку. Герман не питал слабости к предметам русской иконописи, но прекрасно в них разбирался, поскольку питал слабость к долларам. В деревенском доме, где проживала одна из его учениц, он увидел поразительную по ценности икону 17 века. Вариант покупки семейной реликвии он отменил сразу. Здесь был не тот случай. Личное участие в краже ему претило, но Зарицкий не мог остаться равнодушным, что вот так просто в деревенском доме висит вещь, стоившая огромных денег. Встреченный им на городском рынке старшина, которому он обмолвился об этом, удивительно легко предложил свои услуги. Впрочем, опять далеко не безвозмездные. Через неделю Зарицкий получил то, что хотел, с помощью старого как мир способа. С этого момента Кривошонок принялся периодически приносить хореографу «доски», как именовались иконы в определенных кругах, и Герман предусмотрительно покупал их у старшины, даже если те не представляли особой ценности. Кое-что, впрочем, удавалось сбывать иностранцам в Горицах, где в период навигации на пристани швартуются круизные речные пароходы «Интуриста». И в последний перед отъездом в Ленинград день старшина Кривошонок как раз навещал хореографа, принеся в сумке очередную партию «товара»...

Она быстро шла по ночной улице. В душе ее клочкотала ярость. Ей хотелось сейчас же, среди ночи немедленно идти выручать своего Леню. Ведь его оклеветали два этих негодяя. Он не виноват ни в чем! Алине казалось, что теперь все изменится, она непременно спасет его, вызволит из беды. Не может же у нас, в Советском Союзе, сидеть в тюрьме невиновный человек! Это ошибка! Но постепенно холодный рассудок подсказал, что даже если представить невозможное и доказать уже недоказуемое, куда деть убийство и приговор в десять лет? Этот факт не изменит уже ничто. Девушка постепенно замедляла свой поначалу решительный шаг. Теперь она не разбирала дороги и просто тупо брела по безлюдным городским улицам, преследуемая завыванием сторожевых собак. «Почему он не написал мне ни строчки?! Почему он молчит?» Мысли Алины неизбежно вернулись к вопросу о том, как теперь быть ей самой. К родителям она не пойдет, а видеть Зарицкого после того, что она узнала этой ночью, Алина считала кощунством и предательством. И даже мечта о сцене не заставит ее пойти на такое предательство. Но от самой мечты девушка решила не отступать ни на шаг. Это именно то, чему она посвятит теперь все силы.

Утро застало ее на автобусной станции. Маленький серый домик был на ночь заперт. Алина положила на землю чемодан и так, прислонившись к стене, просидела до открытия. «Я все равно своего добьюсь!» – твердила она. У нее имелись какие-то «копейки», а о том, как будет существовать в незнакомом городе, она не думала. К первому автобусу начал собираться народ. Это были в основном приезжие, увозившие детей после летних каникул. Алина приобрела билет. Сегодня она сделает первый шаг во взрослой самостоятельной жизни. Она вспомнила историю танцора, который вот также, в таком же возрасте, ехал в теплушке без денег в Ленинград. И поступил в Вагановское! Правда, звездой первой величины ему все равно стать не довелось. Уже подошел автобус, – обветшалый, смердящий выхлопами ЛАЗ, – когда

девушка увидела в толпе пассажиров отца. Казалось, он был вне себя от ярости. «Он ни за что меня не отпустит!» – в страхе подумала Алина. Первой ее мыслью было спрятаться, но спрятаться на маленьком пяточке оказалось негде. Тогда она решила, что нападение – лучшая форма защиты, и сама шагнула ему навстречу, готовая стоять на своем до конца. Девушка уже открыла рот, чтобы бросить родителю вызов, но его поведение и слова заставили ее промолчать.

– Ты могла бы хоть попрощаться по-человечески, – хмуро произнес отец и протянул ей три пятидесятирублевых купюры. – Вот, возьми. Это все, что у меня было на книжке. Я скажу матери, что не нашел тебя, что ты уже уехала.

– Я сразу же напишу вам, – растроганно сказала Алина, подумав: «Это хороший знак! Мне повезет!»

Днем рейсовый автобус прибыл на автобусный вокзал Вологды. Железнодорожная станция находилась на той же площади, и Алина быстро сумела достать «плацкартный» на один из транзитных поездов, следующих в Ленинград. Рано утром она сошла на перрон Московского вокзала. «Боже мой, как много людей! И все они куда-то идут. И всем им *есть* куда идти». Девушка нерешительно огляделась по сторонам и увидела женщину, торговавшую выпечкой.

– Простите, могу я узнать, где здесь можно найти жилье в гостинице или...

Продавщица опытным взглядом мгновенно оценила простенько одетую провинциалку:

– Могу посоветовать гостиницу «Европейская», это недалеко, на углу Невского и улицы Бродского. Или «Асторию». Она тоже рядом.

– Спасибо. Угол Невского и улицы Бродского, – запоминая, повторила Алина. Она уже собралась идти, но женщина остановила ее и усмехнулась:

– Подожди. Вот там за углом возле касс стоят старушки. Они сдают комнаты приезжим. Думаю, тебе надо обратиться к ним.

Девушка договорилась с одной из сдававших жилье пожилых женщин, представившейся Ольгой Ивановной. Они сели в трамвай и отправились в конец Лиговского проспекта.

– Вот твоя комната. – Ольга Ивановна показала маленькую комнатку в огромной коммунальной квартире. Из мебели в комнате присутствовала лишь раскладушка, но Алину и это устраивало. В конце концов, она же здесь ненадолго, через неделю ей дадут место в общежитии училища! Весь остаток дня и всю ночь девушка представляла, что скажет в Вагановском, что ей ответят, как к ней отнесутся: «Я хотела бы учиться у вас. – Конечно, пройдите в кабинет №..., напишите заявление и оставьте документы» Или: «Мы можем посмотреть вас прямо сейчас. О, вы несомненный талант! Вот адрес общежития, мы предупредим коменданта, чтобы он приготовил для вас место» Когда рано утром Алина приехала на улицу Зодчего Росси 2 и рассказала кто она и откуда, ей вежливо объяснили, что она обратилась не по адресу: «Мы не стажирuem дилетантов»

«Ну, вот и все», – девушка почувствовала комок безысходности в горле. Она стояла в вестибюле этого прекрасного здания, расположенного на одной из красивейших улиц Европы, – стояла всего в шаге от своей мечты. Но дверь перед ней была закрыта.

Мимо прошла группа красиво одетых девушек – ее ровесниц. Прямая гордая осанка, чуть вывернутая стопа, шаг – полет: «Они настоящие, а я...» – Алина чуть не расплакалась от досады. Девушки весело переговаривались и до нее долетали обрывки фраз: «В этом адажио он мне все ноги отдал. – Да, а Дутов еще собирается дать ему сольную партию в Эрмитаже. Ему же место только в шаркающем кордебалете!» Алина вдруг напряглась: «Дутов... Дутов...», – она вспомнила, что слышала эту фамилию от Зарицкого. Девушка подошла к вахтеру:

– Простите, как я могу увидеть Дутова?

– Феликса Герольдовича? – переспросил старичок-вахтер. – А по какому поводу? Он человек очень занятой.

Девушка растерялась. Она не знала, какую причину назвать. «Действительно, по какому поводу?!» – Простите, – извинилась Алина и медленно побрела к выходу.

– Подождите, – секунду подумав, остановил ее вахтер. Он увидел в глазах девушки такую боль и безысходность, что ему захотелось чем-то помочь. – Я, конечно, внутрь вас пустить не могу, да и Феликс Герольдович сейчас работает, но... если вы дождетесь его после занятий, я вам его покажу.

Алина скромно устроилась в углу и прождала несколько часов. За это время мимо нее проходило очень много людей, большинство из которых принадлежало к тому миру, в который она так стремилась попасть. Наконец, она увидела невысокого худого мужчину с благородной сединой на висках. Именно на него едва заметным кивком указал вахтер.

– Простите, вы Дутов?

Хореограф на мгновение остановился, оценив ее взглядом. Он испытал инстинктивное чувство настороженности. Это чувство всегда испытывают те, от кого многое зависит, когда к ним обращаются абсолютно незнакомые люди.

– Допустим...

– Я... я хотела бы заниматься здесь. И у меня...

– А почему вы обратились ко мне, я веду мужской класс? – Дутов пошел дальше, но услышал вслед:

– Я занималась у Зарицкого, и он говорил, что вы можете помочь со стажировкой.

– Вот как? – хореограф снова остановился, припоминая телефонный разговор с опальным коллегой. – И каков же ваш, так сказать, послужной список? В какой труппе вы работаете?

– Ни в какой. Я училась в хореографической студии города Кириллова.

– Хм... – Дутов взвесил решение. «Чем черт не шутит?» – Пойдемте со мной. – Он развернулся и быстрой походкой двинулся к парадной лестнице. Алина едва поспевала за ним. Она не разбирала дороги, не думала, куда они идут, и видела только его спину. «Он уделил мне время!» – с радостью поняла девушка и от этого разволновалась еще сильнее. Наконец, пройдя по длинному коридору, они вошли в абсолютно пустую комнату, если не считать зеркал и балетного станка, тянувшегося вдоль больших окон.

– Ну-с, покажите на что вы способны?

Алина нерешительно застыла на пороге класса:

– Но я не думала, что сегодня нужно будет что-то показывать и не взяла ни трико, ни пуанты...

– Ничего страшного. Мне и без них все станет ясно. И так – готовы?..

Сбросив босоножки, девушка прямо в своем самом нарядном платье, в котором она приехала в Ленинград, сделала несколько туров.

– Спасибо, – задумчиво произнес Дутов. По его лицу невозможно было понять, какое она произвела впечатление. – Вот что, подождите меня здесь, – с этими словами он удалился и отсутствовал минут двадцать. Алина сгорала от томительной неизвестности, мысли окончательно спутались. – Идемте за мной, – приказал хореограф, вернувшись. Они опять куда-то шли, поднимались по лестнице, пока не оказались в обставленном строгой мебелью помещении, на стенах которого висели портреты корифеев российско-советской балетной школы. За столом сидел старый седоволосый мужчина. Это был Константин Сергеев – легендарный в прошлом танцор, занимавший пост художественного руководителя училища. Он коротко поздоровался с Алиной и добавил: – Не будем терять времени, приступайте.

Под руководством Дутова девушке пришлось повторить то, что она демонстрировала в классе.

– Спасибо, – прервал ее Сергеев, – будьте добры подождать за дверью.

«Я выглядела, как корова!» – ужаснулась Алина. Ей казалось, что еще никогда в жизни она не выступала так отвратительно. Если бы ей дали время опомниться, придти в себя,

собраться, наконец... Из кабинета худрука вышел Дутов. – М-да, девочка, что вы непрофессионал, видно даже слепому. В вас так мало академизма, а ведь академизм – именно то, чему мы здесь в Вагановском с детства уделяем особое приоритетное внимание. Но... лично я считаю, в этом наша главная беда. Нельзя зацикливаться на чем-то в ущерб остальному. Так что давайте свои документы и пишите заявление. Вы будете допущены к экзамену. И учтите, я вхожу в члены приемной комиссии, и... я буду на вашей стороне.

Он с улыбкой глядел вслед девушке, которая не шла, а словно летела на крыльях. Дутов принадлежал к элите преподавательского состава Вагановки. Он вел старшие мужские классы, а работа с младшими считалась малоперспективной, в виду отсутствия немедленных результатов. Но Сергеев только что дал ему «добро» одновременно с мужским классом заняться подготовкой этой девочки, у которой есть все задатки превратиться в звезду. Если, конечно, она не сорвется на экзаменах.

В тот день Алина просто бродила по городу вне себя от счастья. С ее плеч словно свалился нервный ком. Она гуляла по набережным, любовалась дворцами, а под вечер добралась до Театральной площади, на которой находилась знаменитая Мариинка – Театр оперы и балета имени Кирова. Алина долго смотрела на величественное, чуть тронутое стариной здание. Во всех окнах горел свет. Толпы людей устремлялись к парадному подъезду, чтобы попасть на вечерний спектакль и аплодировать мастерству артистов. «Когда-нибудь они будут аплодировать мне!» – Девушка развернулась и направилась в каморку на Лиговке. В оставшиеся дни она обязана беспрерывно работать, чтобы лучше подготовиться к первому туру.

Конкурс оказался огромным – более сорока человек на место. Желающие стажироваться в самом знаменитом балетном училище мира съехались сюда не только со всей страны, но и из заграницы. Большинство являлось уже сформировавшимися артистами, выступавшими в театральных труппах Уфы, Перми, Ташкента, Варшавы и даже Марселя. Многие девушки держались очень уверенно, поскольку в своих коллективах им не было равных. Глядя на них, Алина чувствовала себя первоклассницей, попавшей на ученый совет в Академию наук. «У меня нет ни единого шанса!» Девушек попросили выстроиться вдоль станка в большом просмотровом зале, а перед ними за столом восседала приемная комиссия, состоявшая из преподавателей Вагановки – сплошь бывших профессионалов сцены. Каждой девушке был вручен определенный номер и первый тур начался. По команде хореографки одновременно начали демонстрировать свои способности. Члены комиссии негромко обсуждали их и выносили решение: – «Седьмая», «Восемнадцатая», «Двадцать четвертая» – спасибо. – Экзамен продолжался. Строгая комиссия учитывала каждую мелочь. Вплоть до чистоты угла наклона руки над головой. – «Двенадцатая», «Тридцать восьмая», «Тридцать девятая» и «Сороковая». – Еще несколько девушек выбыло из борьбы. – «Третья», «Пятая», «Двадцать вторая», «Тридцать первая». – С каждым новым па их становилось все меньше. Отстраненная «Двадцатая» громко разрыдалась прямо в зале. Всего одним словом здесь перечеркивались годы изнурительного труда. «Тридцать третья» – высокая казашка – попробовала протестовать, но все было тщетно. Неумолимые жернова перемалывали людские судьбы. – «Первая», «Пятнадцатая», «Двадцать девятая»... – Наконец, комиссия вынесла окончательный вердикт – у станка остались только трое – «Девятая», «Одиннадцатая» и «Тридцать вторая». Алина не могла поверить своему счастью. У нее на руке была повязка с номером «11».

Вернувшись в коммуналку на Лиговском проспекте, она первым делом достала бумагу и ручку. Теперь уже можно было хоть о чем-то написать родителям. «Как они обрадуются за меня, – думала девушка, – и как за меня порадовался бы Леня». В конце письма поскрипту она добавила несколько строк с просьбой узнать, нет ли хоть каких-то известий о нем. «Как он сейчас? Что с ним?»

Во втором туре три оставшиеся претендентки по очереди исполняли фрагмент выбранной ими самими партии из классического репертуара. Первой в класс прошла девушка, прие-

хавшая из Башкирии – юная прима Уфимского театра оперы и балета. Она казалось полностью уверенной в своих силах, а на Алину смотрела с плохо скрываемым пренебрежением. Через некоторое время ее сменила вторая соискательница, – прибывшая на стажировку из Франции – из знаменитой марсельской школы Ролана Пети. «Кто они, а кто я?.. Не трусь!» – настал ее черед, и Алина сжала всю волю в кулак. Она выбрала для исполнения один из самых сложных женских хореографических этюдов – партию Умирающего Лебедя, которую с блеском танцевала еще Анна Павлова. Раздались первые звуки гениальной музыки Сен-Санса, и Алина воспарила над миром. Она отвлеклась от всего и казалась полностью поглощенной танцем. Члены комиссии были зачарованы ее Лебедем. Ей по-своему удалось передать в классическом этюде то, на что когда-то делала акцент ее старая учительница: «главное не „голая техника“ – вдохните в исполнение жизнь!» «Я победила!» – с восторгом и уверенностью поняла Алина, разглядев после последнего па лица вагановских педагогов.

Просмотрев абитуриенток, члены комиссии объявили получасовой перерыв. «Наверное, эти полчаса самые важные в моей жизни!» – В ожидании судьбоносного решения Алина стояла в коридоре рядом с группой учащихся Вагановки. По непостижимым каналам до них уже дошла кое-какая информация о выступлении всех трех претенденток. И сейчас они ее кулуарно обсуждали: «Француженка, конечно, сильна в ногах и вращении, это их фирменный стиль, но координация, координация. – А Рамазанова вообще полный ноль, пусть бы Гюля не утруждалась в Одетте. Эта партия избранных». Алина не успела дослушать, что они скажут о ней, так как из класса вышла председатель комиссии – бывшая прима Мариинки. Она объявила решение. Все напряглись, внимательно слушая.

– Члены приемной комиссии пришли к выводу, что лучшей была Рамазанова...

Из глаз Алины брызнули слезы. Но следующие слова председателя вселили в нее надежду: «Еще не все потеряно!»

– ...Однако, учитывая, что выступление всех трех участниц оказалось чрезвычайно качественным, мы решили на этот раз увеличить квоту приема на стажировку еще на одно место. И решили отдать его... нашей французской гостье Женевьев Лазаро. Поздравляю вас, девушки...

Алина медленно дошла до конца улицы Росси, миновала арку, и села на скамейку в маленьком сквере напротив набережной Фонтанки. Стоял один из последних погожих летних дней, а проходившие мимо люди наслаждались лучами ласкового августовского солнца. Алина закрыла лицо ладонями, несколько раз тихонько всхлипнула и разрыдалась. Вдруг она почувствовала, как кто-то осторожно положил ей руку на плечо. Она открыла глаза и увидела Феликса Дутова. На его лице отражались грусть и сочувствие.

– Ты была лучшей, девочка. Это все видели. Но... понимаешь... *наверху* есть мнение о привлечении большего числа «национальных кадров». К тому же Гюля Рамазанова – одна из дочерей Муртазы Рамазанова – первого секретаря башкирского Комитета Комсомола. Нам просто спустили разрядку на нее. Ну, а француженку... ее мы не могли не принять по договору об обмене опытом между нашими школами. Кроме того, она действительно талантливая танцовщица. Но позволь мне что-нибудь сделать для тебя. Хочешь, я поговорю со своим знакомым – балетмейстером самодеятельного театра при Кировском заводе? Ты могла бы, одновременно с работой или учебой, танцевать в их...

– Спасибо. – «Кировский завод и Кировский театр» – Алина усмехнулась сквозь слезы и встала. – Мне нужно ехать на вокзал за билетами. Я еще хочу успеть подать документы в Череповецкий педагогический институт.

Глядя вслед уходившей навсегда девушке, Феликс Дутов думал о том, как несправедлива жизнь. При другом раскладе из нее могла бы получиться настоящая звезда, а он оказался бы скульптором, который ее вылепил. Жаль!.. Одно утешало – ему, как ведущему мужской класс, не придется возиться с той бездарной нацменкой.

«Написала родителям, похвасталась – дура!» – ругала себя Алина, укладывая вещи в чемодан. Она купила билет до Череповца на дневной поезд. До его отправления оставалось пятьдесят минут, и девушка решила рассчитаться с хозяйкой. Она прошла в смежную комнату, которую занимала Ольга Ивановна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.